

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Конфуз
в небесной
канцелярии

Дарья Александровна Калинина

Конфуз в небесной канцелярии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829910

Калинина, Дарья Александровна. Конфуз в небесной канцелярии :

[роман]: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81123-6

Аннотация

Полгода назад счастливая жизнь Олега полетела под откос: в автомобильной аварии погибла его жена Лена, а сам он получил несколько переломов и потерял зрение. Вернувшись из санатория, где он поправлял здоровье, Олег узнал, что за время его отсутствия теща стала объектом пристального внимания и гиперопеки прихожанок церкви Святого Пергаминона. Вскоре теща была убита, а на Олега было совершено несколько покушений. Молодой человек, не надеясь на полицию, решил сам найти виновников всех своих несчастий. Начав действовать с помощью новой знакомой, Яны, которая как-то очень вовремя появилась в его жизни, Олег понял: происходящее напрямую связано с тайнами семьи его погибшей жены Лены...

Содержание

Вступление	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	67
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дарья Калинина

Конфуз в небесной

канцелярии

© Калинина Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Вступление

За шесть месяцев до начала событий

Двое рослых мужчин стояли друг напротив друга. Их широкоплечие силуэты четко просматривались на фоне освещенного закатным солнцем окна. Алые отблески заходящего светила бросали на чеканные профили мужчин свои тени, и оттого казалось, что по лицам этих двоих то и дело пробегают огненные всполохи. Конечно, это была лишь иллюзия, и виной всему была игра заходящего солнца.

Но мужчины не обращали внимания на величественный закат, им было не до красот природы. Пользуясь тем, что в этом здании они могли не опасаться прослушки и вообще чувствовать себя в полной безопасности, они вели неторопливую, но весьма важную беседу.

Они были знакомы так давно, что уже привыкли понимать друг друга практически без лишних слов. Да и тема разговора была уже хорошо знакома им обоим. И все же совсем без обсуждения сегодня было никак не обойтись.

– Как все прошло?

– Я придерживался плана.

– Обе угрозы устранены, как мы и наметили?

– Пока удалось убрать только одну.

– Почему?

Бровь мужчины изогнулась на безупречно гладком и загорелом лбу. Его коротко стриженные волосы воинственно торпшились даже сейчас, когда он был относительно спокоен. Этот мужчина давно привык ходить в штатском, но многое в его облике, в первую очередь – холодный немигающий взгляд и властное суровое выражение лица, выдавало бывшего военного или даже сотрудника разведки, тоже военной, разумеется.

– Почему только одна, я тебя спрашиваю?

Голос старшего мужчины посуровел. Его более молодой сотрудник виновато отвел взгляд и ответил:

– Так получилось. Пришлось немного отступить от плана.

Этот старый еврей все же что-то пронюхал.

– При чем тут он?

– Он тоже летал в Россию. Успел попасть туда практически одновременно со мной.

Старший, прищурившись, молча ждал продолжения. И младший продолжил:

– Он встречался там с его дочкой.

– Встречался с дочкой? Они разговаривали?

– Да. Но не беспокойтесь, утечка уже устранена.

– Врач мертв?

– Да.

Облегчение разлилось по лицу мужчины.

– Продолжай, – велел он. – Какая именно женщина из двух устранена?

– Дочь. И... и еще ее муж.

– Его-то зачем?

– Он случайно оказался рядом с ней. Впрочем, насчет него нет ясности. Возможно, он еще и выкарабкается. Травмы не такие уж серьезные, вполне совместимые с жизнью. Вот только с башкой у него после аварии...

– Что?

– Совсем беда. Память потерял. И еще ослеп.

– Что ослеп – жаль парня. С другой стороны, что со слепого взять? И что память потерял – это для нас хорошо. Выходит, парень для нас какое-то время будет не опасен. Ну, а что же старшая женщина?

– Жива. Две смерти одновременно – мы именно это развитие сценария и готовили дома, но вмешался этот еврей... И мне пришлось прямо на ходу менять весь план.

– Да, понимаю. Ты действовал правильно и будешь представлен к награде.

– Спасибо.

– Но с парнем и старухой все равно придется что-то решать, – строго произнес старший. – Если он что-то вспомнит... Ты же понимаешь: рисковать нельзя, память имеет свойство восстанавливаться.

– Я все сделаю.

– Нет! Тебе второй раз лететь в Россию уже не стоит. Рус-

ские в последнее время и так держатся с нами настороженно.

– Но я хочу довести дело до конца.

– Расправиться со старухой и слепым – на это не надо много ума и сноровки. Я найду человека, который живет и работает в России. Он и сделает это дело. Ничто не должно даже косвенно указывать на то, что эти три смерти могут быть как-то связаны между собой. Ни у кого не должно зародиться тени сомнения в том, что это просто рок – несчастливая судьба, преследующая одну семью.

– И для этого?..

– И для этого я считаю, что все три убийства должны быть совершены разными людьми. Но уж хотя бы двумя разными – это точно.

– Значит, я могу считать себя свободным?

– Вы заслужили свой отпуск, лейтенант.

Более молодой мужчина четко, по-военному повернулся на пятках и зашагал прочь. Уходя, он не стал отдавать честь старшему. Это было специально обговорено. Но он почувствовал, как его рука, повинаясь старой привычке, словно сама по себе дернулась, потянулась к козырьку. Ему стоило труда удержать ее. Он опасался, что его командир заметил это мгновенное неповиновение приказу. Это могло обернуться серьезными неприятностями для молодого лейтенанта.

Дисциплина у них в отделе царила очень строгая. Даже за малейшее нарушение сотрудник мог попросту исчезнуть, и

никто не знал, куда он делся. По легенде, их переводили в другие отделения, но потом никто и никогда уже больше не слышал про этих людей. Они удаляли свои странички в социальных сетях. Их близкие теряли с ними связь. Брошенные невесты в один голос твердили о разорванных помолвках. И что происходило дальше с этими беднягами, не знал никто в мире, кроме одного человека, возглавляющего их отдел.

Перед этим человеком все трепетали, его боготворили, ему повиновались слепо и безрассудно. Только такие сотрудники и задерживались у них в отделе – преданные до мозга костей, слепые орудия, умеющие выполнять приказы, не раздумывая. Все прочие, кто лез с критикой или, того хуже, задавал вопросы, уже давно исчезли.

Молодой лейтенант относился к числу первых, он боготворил своего начальника. И теперь он даже не сомневался: босс доведет задуманную операцию до конца. Муж и мать его жертвы также обречены. Ничего не поделаешь, люди умирают постоянно. На мгновение лейтенанту стало жаль молодого парня, ослепшего по его вине. Ведь они были примерно ровесниками. И случись иначе, родился они оба в одной стране, вполне могли бы служить в одной роте, могли бы стать друзьями, могли бы даже побрататься друг с другом. Но вместо этого тому плечистому парню со светлыми волосами придется умереть. Что же, ничего не поделаешь, такова его судьба.

И все же хорошо, что убивать его будет кто-то другой. Лейтенанту не хотелось бы мараить руки еще и этим убийством. Хватит с него старого ученого еврея и молодой женщины, к которой он прилетел. Убивать такого прекрасного врага, каким мог бы стать этот блондин, стоило с размахом, в открытой схватке. А убивать исподтишка, как того требовали нынешние обстоятельства, было слишком унижительно для его достоинства. Такой сильный враг достоин большего уважения. Как жаль, что им так и не представится случай встретиться вновь.

С этими мыслями молодой лейтенант вышел из здания и оказался на улице. Перед ним лежала открытая пустыня, в которой за многослойной оградой из колючей проволоки под напряжением стояло здание, в котором располагался их отдел. Здание стояло на возвышенности, и сейчас лейтенант прямо перед собой увидел садящееся в алые тучи солнце. Как и многие его сограждане, он был равнодушен ко всему, что не касалось лично его самого или его дела. Но даже он сейчас невольно подумал, что в таком необычном закате есть нечто странное, пугающее и неподвластное человеческому уму.

Это ощущение длилось всего одно мгновение. Уже через секунду лейтенант вновь вернулся мыслями туда, где ему и полагалось быть. Он вновь целиком и полностью стоял на страже интересов самой великолепной, богатой и процветающей страны в мире. Он не сомневался, что им удалось по-

строить идеальную модель государства. И если другие страны еще не до конца понимают, как им повезло, что эта модель вскоре распространится на весь мир, что же, они сумеют их убедить.

Для этого у них есть и самая хорошо вооруженная армия, и огромный флот, и, самое главное, желание добиться полного подчинения ото всех тех, кто думает иначе.

Глава 1

Теща встречала Олега у поезда. Едва он сошел со ступеньки и очутился на твердом полотне перрона, как сразу же почувствовал ее присутствие рядом с собой. И через считанные доли секунды пальцы женщины сомкнулись на его запястье, мягко потянув его к себе.

– Олечка! – произнес знакомый теплый голос. – Хорошо, что ты вернулся.

– Здравствуйте, Раиса Никитична, – ответил Олег, вдыхая вкусный домашний запах, который неизменно исходил от его тещи.

– Как доехал?

– Ничего, нормально.

– Пассажиры тебя не обижали?

– Да что вы, Раиса Никитична! Наоборот, помогали кто чем мог. Вы же знаете, я везучий на хороших людей.

– Надо было тебе все-таки сопровождающего взять, как врачи и настаивали.

– И так обошелся. Даже лучше, никого просить об одолжении не пришлось.

Так, переговариваясь, они побрели вдоль перрона. Олег шел, привычно ощупывая дорогу перед собой белой тростью. Тяжелая сумка, полная гостинцев и подарков, которые он тащил с собой из Железноводска, увесисто била его по бо-

ку, но Олег не обращал внимания на такую ерунду. В конце концов, что значит это неудобство по сравнению с радостью, какую испытает теща, когда увидит, сколько разной всячины он ей привез.

Олег знал, что милая добрая теща имеет одну слабость. Она обожает получать в подарочек небольшие презенты. Крупные и дорогие подарки неизменно приводили эту добрую женщину в смущение, заставляли думать, будто бы она теперь что-то должна щедрому дарителю, и оттого вызывали ненужные эмоции и у самой Раисы Никитичны, и у того, кто надеялся осчастливить ее своим богатым подарком. Но вот разную бытовую мелочь теща была готова принимать хоть каждый день, совсем не задумываясь о том, что в итоге даритель может потратиться даже сильнее, чем купив что-то одно, пусть и довольно дорогое.

Так что, зная это, Олег вместо одного крупного презента купил для тещи множество небольших подарочков. Теперь ему казалось, что он поступил правильно. Первый подарок он вручил Раисе Никитичне, едва они сели в поджидавшее их на площади Московского вокзала такси. Это был стеклянный петушок с пышной грудкой и хвостом с перьями всех цветов радуги.

– Ой, какой красивый! – восхитилась Раиса Никитична. – Жаль, что ты, Олежка, не можешь его видеть. Как же ты угадал этого красавца?

– Мне продавщица помогла, – ответил Олег. – Сказала,

что этот вам точно понравится.

– Что же, она угадала.

По голосу тещи Олег слышал, что она довольна. С тех пор как с Олегом случилось несчастье и он ослеп, молодой мужчина научился очень хорошо разбираться в малейших интонациях человеческого голоса, и это здорово облегчало ему жизнь. Постепенно Олег осознал, что человеческая речь имеет куда более богатый эмоциональный диапазон, чем ему представлялось ранее.

Пока Олег был здоров, он во всем полагался на свое зрение, частенько забывая о том, что у него еще есть слух, осязание и даже обоняние. Эти органы чувств играли при зрении лишь вспомогательную роль, но внезапно так получилось, что именно они стали ведущими.

На первых этапах, когда он только потерял зрение, ему казалось, что оно еще вернется. Вот однажды он откроет глаза и поймет, что снова видит. Дни складывались в недели, а недели в месяцы, но никакого улучшения все не наступало. И тогда Олег сказал себе: возможно, вопреки прогнозам врачей, зрение уже никогда не вернется к нему. Надо смириться с тем, что есть. И приняв это решение, он взял себя в руки и начал учиться жить заново.

В те дни Раиса Никитична много времени проводила с ним. Именно с ее помощью Олег научился ориентироваться в доме, а затем отважился даже на небольшую экскурсию вниз во двор. А через день они с тещей совершили поход до

ближайшего магазина, где Олег на ощупь отсчитал продавщице деньги за батон и бутылку молока.

Оказалось, что все монеты имеют свой вес, свой рельеф, и спутать рубль с десяткой совершенно невозможно. Чуть сложнее обстояло дело с бумажными деньгами, но и их Олег после многих проб и ошибок наконец научился отличать. Во всяком случае, тысячную с десяткой он бы никогда уже не спутал. Ну, а если случалась ошибка, то можно было рассчитывать на совесть продавцов. И надо сказать, что Олега крайне редко обманывали в тех магазинах, где он появлялся впервые. И уж совершенно точно его никогда не обманывали в магазинах, где люди знали и его самого, и его печальную судьбу.

Олегу было всего двадцать пять, когда он женился на Леночке – прелестной и звонкоголосой красавице, которую очень любил. В свою очередь, Леночка тоже обожала своего статного мужа, находя его лучшим из всех мужчин. Но счастье молодой семьи длилось не так долго, как хотелось бы. В один далеко не прекрасный день Леночка настояла на том, чтобы получить водительские права. И хотя Олег с Раисой Никитичной дружно возражали против того, чтобы она садилась за руль, она все равно сумела настоять на своем. Когда тебя очень любят, легко добиваться своего.

И вот прошло время, и Леночка торжественно продемонстрировала мужу и матери новенькую пластиковую карточку – водительское удостоверение – и заявила, что с этого дня

она будет водить машину самостоятельно. Олег и сейчас отлично помнил, как болезненно замерло у него сердце, когда любимая жена произнесла эту фразу. Ее звонкий голосок до сих пор звучал у него в ушах:

– А теперь я сяду за руль, и пусть кто-нибудь попытается меня остановить!

Леночку остановил тяжело груженный «КамАЗ», в который она врезалась, не сориентировавшись на сложном перекрестке. Во всяком случае, так Олегу сказал потом следователь, который разбирался в этом деле. Сам Олег ничего не помнил из случившегося. После аварии у него наступила странная амнезия. Он прекрасно помнил все, что происходило до того, помнил себя потом, но вот авария оказалась словно бы вычеркнутой из его памяти.

– Ничего, так бывает, – попытался утешить Олега следователь. – Ваш мозг пытается таким образом заблокировать воспоминания, способные причинить вам боль.

Именно от следователя Олег узнал, что во время аварии сидел рядом с женой на пассажирском сиденье. Видимо, они возвращались из больницы, где Олегу оперировали некстати воспалившийся аппендикс. Операция прошла с осложнениями, и даже спустя несколько дней после нее Олег все еще чувствовал себя неважно. Тем не менее он настоял на выписке, потому что считал, что дома поправится быстрее, чем в больнице.

Олег помнил, что при выходе из больницы его шатало, в

голове раздавались странные звуки, в ушах шумело. О том, чтобы сесть за руль в таком состоянии, не могло быть и речи. Также Олег хорошо помнил, как врачи уговаривали его остаться, но Леночка уверенно заявила им, что сумеет позаботиться о муже. И для начала жене предстояло самой доставить Олега до дома. Вот с этого момента в голове у Олега появлялся временной провал. Он не помнил, как они с женой сели в машину. Не помнил, как оказались на дороге, не помнил ничего, что могло бы облегчить расследование этого происшествия.

Следователь считал, что Олег, возможно, успел вцепиться в руль и немного вывернуть машину, но окончательно уйти от столкновения было уже невозможно. Леночка умерла сразу. Олега извлекали из покорёженной машины еще несколько часов. И все это время он надеялся, что Леночка жива, она лишь потеряла сознание, что и к лучшему, по крайней мере, не испытывает боли, какую испытывал сам Олег, находясь в сознании.

Правду о том, что случилось с женой, ему сказали уже в больнице. По иронии судьбы, он оказался в той же больнице, из которой выписался всего несколько часов назад. Правда, теперь он лежал в другом отделении, но стены были такими же, и вид из окна был практически тот же. Целый день Олег лежал на кровати, тупо глядя в окно и не веря в то, что такое могло случиться именно с ним. Слез не было. Непостижимым ему самому образом Олег не мог плакать. Раиса Ни-

критична, сидя рядом с ним, рыдала за них двоих. А вот Олег словно окостенел, окаменел, потерял всю чувствительность.

Раиса Никитична обратила внимание на его нетипичное поведение, но приписала это действию медицинских препаратов, которыми Олега обкололи со всех сторон. И она даже практически заметила:

– Надо мне для себя попросить у доктора чего-нибудь успокаивающего. Лучше уж как ты лежать, чем так выть.

Олег ничего не ответил теще. Ему не казалось, что кому-то стоит претендовать на его место. После аварии у него оказался поврежден позвоночник и, кроме того, были сломаны обе ноги. Но не это оказалось самым страшным. Самое худшее случилось с ним на следующий день, когда утром он открыл глаза на больничной койке и не увидел вокруг себя ничего. К провалу в памяти добавилась еще и слепота. Теперь в глазах у Олега была лишь густая тьма, в которой порой мелькали какие-то неясные серые тени – то ли фигуры людей, то ли что-то еще.

Олег позвал врача, тогда он еще думал, что ему сейчас сделают укольчик, что-нибудь покапают в глаза, и все обойдется. Но не обошлось. Врач лишь подтвердил подозрение самого Олега, что наступившая слепота как-то может быть связана с аварией. Последующие консультации специалистов привели к единодушному их заключению: потеря зрения у Олега, скорей всего, является временным явлением. По сути, это лишь реакция его организма на перенесенный стресс,

шок после травмы.

– Но когда он снова сможет видеть? – спросила Раиса Никитична, которая в любых диагнозах любила конкретику.

Полученный ею ответ: «Возможно, что уже завтра, а возможно, что и никогда», женщину совершенно не удовлетворил.

– А лечить-то его как? – допытывалась она у докторов. – И чем?

Ответ был таков:

– Время! Время самый лучший лекарь в таких случаях.

И тут Раиса Никитична, всегда добродушная, неожиданно рассердилась. Такое на памяти Олега случилось в первый раз:

– Что за ерунду вы говорите? – накинулась его теща на врачей. – Чай, не в пятнадцатом веке живем, чтобы временем лечиться. Двадцать первый век на дворе. Дайте нормальные рекомендации!

Но врачи считали, что сейчас главное – восстановить сломанные конечности, добиться, чтобы Олег ходил не хромя. А пока будут выздоравливать кости, глаза тоже как-нибудь восстановятся сами. Кости срослись, позвоночник оказался поврежден незначительно, и уже через три месяца Олег мог передвигаться, не ощущая никаких неудобств и даже забыв, что совсем недавно был ниже пояса весь в гипсе. А вот зрение возвращаться к нему пока не торопилось.

К счастью, они с Раисой Никитичной не были стеснены

материально. Когда Олега выписали из больницы, теща приехала его забирать и сама предложила:

– Живи у меня. Я потеряла дочь, ты – жену. Оба мы одиноки. Хочешь, будешь мне вместо сына.

Олег был очень тронут. Он всегда относился к Раисе Никитичне с большим теплом. Да и она с первого дня знакомства приняла его словно родного. Никогда между ними не случилось ссор, оба всегда старались тактично уйти от конфликта. Так что и теперь они зажили дружно, сплоченные общим горем. Средств на жизнь, которые состояли из двух их пенсий, а также ренты за сданную квартиру Олега, хватало на покупку всего необходимого.

Глава 2

Раиса Никитична не любила сидеть без дела. И едва Олег встал на ноги и научился обслуживать себя сам, теща занялась выбиванием санаторно-курортного лечения для него. Олег прямо поражался ей. Теща не уставала ходить из одного кабинета в другой, всюду повторять одну и ту же историю, добиваться, просить, требовать, а кое-где так и вовсе угрожать.

Не сразу, но бесплатную путевку Олег все же получил. И невероятно гордая собой Раиса Никитична доставила зятя на вокзал, где посадила на поезд и лично проконтролировала, чтобы рядом с ним оказались приличные и порядочные люди. Лишь убедившись, что в соседи ее зятю-бедолаге достались мать с девочкой-подростком, а также седой почтенного вида старик, удалилась, поручив Олега попечению его соседей.

Но Олег все равно волновался и не хотел ехать. Впрочем, волновался он не за себя. В конце концов, он – молодой мужик и не пропадет. Его беспокоила сама Раиса Никитична. Беготня по поликлиникам и собесам подорвала оставшиеся у женщины силы. Смерть дочери нанесла ей незаживающую рану, но пока рядом был Олег, о котором следовало заботиться, Раиса Никитична держалась. Каково же ей будет, когда она снова останется одна? Как бы не слегла!

Но Раиса Никитична считала, что волнуется ее зять напрасно.

– Со мной все будет прекрасно, – заявила она. – Или ты забыл? После смерти Ленки я всюду числюсь одинокой, к тому же я – блокадница. А значит, не бросят, в крайнем случае, пришлют уж кого-нибудь мне в помощь.

Олег кивал головой. Раиса Никитична умудрилась устроить их дела так, что почти сразу к ним стала ходить женщина из службы социального обеспечения. Она приносила продукты, оплачивала счета, получала за Раису Никитичну пенсию. Нечасто, но эта женщина появлялась у них дома, унылым голосом перечисляла все свои трудовые подвиги, а затем, выпив чаю с печеньем, поспешно убегала дальше. Среди подопечных у нее были и такие старики, которым и впрямь остро нужна была ее помощь, причем каждый день, а не раз в неделю.

Но Раиса Никитична не считала, что она пользуется тем, на что не имеет права.

– Всю жизнь работала на государство, теперь пусть и государство немножко обо мне позаботится. То, что ты живешь со мной, никого не касается. Они должны позаботиться об одинокой старухе.

Удивительно, но Раисе Никитичне удавалось внушать эту простую мысль почти всем чиновникам, врачам и даже медсестрам, с которыми ей приходилось сталкиваться. И почти всегда она выходила из схватки с системой победительницей,

унося в клюве ту или иную льготную услугу, бесплатный рецепт или подарок к очередному празднику.

В этом плане Раиса Никитична была опытным бойцом. И теперь она уверяла зятя:

– Все будет хорошо, Олежка!

Обнимая его на прощание, теща добавила:

– Ты бы лишь только поправился! Ты вот меня спрашивал, почему я тебя к себе забрала, а я отмалчивалась. А сейчас хочу объяснить.

– Так и почему взяли-то?

– Никому до сих пор правды не говорила, а тебе скажу. Дело в том, что я умею чувствовать человеческую боль.

– Как это?

– А вот так. Муж палец порежет – я тоже боль в пальце чувствую. Ленка в детстве коленку разобьет, а мне больно.

– Но то дочь, вы ее очень любили.

– Я не только у близких, я всякую боль чувствую. И у соседей, и у малознакомых людей. Конечно, чем человек мне ближе, тем сильнее чувствую. И твою боль после аварии я тоже почувствовала. Как ты в больнице очнулся, узнал, что Ленка умерла, так меня твоя боль и полоснула по сердцу. И с тех пор каждый день, каждую минуту я ее чувствую. Прости, не о тебе я тревожилась. Но я просто уже больше не могла выносить твоих мук, которые заставляли страдать и меня тоже. Я считала, что вместе нам будет легче выдержать выпавшее на нашу долю испытание. Я помогу тебе, а ты перестань

нешь страдать и дашь мне возможность перестать страдать тоже.

Пока Олег молчал, растерявшись и не зная, что сказать, Раиса Никитична добавила:

– Дни и ночи молю Господа, чтобы он сжалился над тобой и вернул тебе зрение.

Олег знал: теща говорит правду. По ночам он теперь плохо спал. Серые тени, появившиеся у него в голове в самый первый день, когда он только ослеп, со временем обнаглели настолько, что стали всерьез мешать ему. Они шумели, издавали неприятные звуки, которые подолгу не давали Олегу заснуть. Теща же почти не спала вовсе. И каждую ночь из ее комнаты тянуло запахом горячего воска. Раиса Никитична жгла свечи перед иконами, которые хранились в ее семье много поколений и которые Раиса Никитична впервые извлекла из чулана после гибели дочери.

– Ленку не уберегла, а с тобой уж, соколик, этой ошибки не совершу. Ты мне теперь вместо сына, так что буду за тебя Бога молить, чтобы вернул тебе глаза. Коли врачи нам с тобой тут не подмога, ничего толком сказать не могут, то на кого простому человеку надеяться? Только на него, на Господа всевидящего.

Все время, которое Раиса Никитична не проводила в службах социального обеспечения, выбивая все положенные им с Олегом выплаты и льготы, она теперь проводила в храмах. Олег не знал, получала ли Раиса Никитична и там,

как она считала, полагающиеся льготы за свою несчастную жизнь, но стал замечать, что время от времени к ним стали приходиться какие-то незнакомые женщины.

– Сиди, сиди, Олежек! – срывалась с места Раиса Никитична и спешила сама открыть дверь гостям.

Эти женщины тоже приносили продукты и вели какие-то расчеты с тещей. Вот только они были отнюдь не из собеса, в этом Олег был уверен. У этих женщин были тихие, но отнюдь не унылые голоса. И пахло от них не капустными щами и столовскими пирожками, а все тем же свечным воском и еще чем-то, от чего Олег в первый раз даже расчихался.

Это вызвало легкий переполох у появившейся посетительницы, которая даже принялась шептать что-то об одержимости нечистым духом, который не выносит появления истинного носителя Духа Святого. Что она там бормочет, Олег не очень-то хорошо понял. И вовсе не потому, что не разобрал слов. Его слух за последнее время обострился чрезвычайно. Он запросто мог услышать то, что происходило за закрытыми дверями. Нет, дело тут было в другом.

Сами слова этой женщины были Олегу непонятны. И еще они почему-то вселили в душу мужчины какую-то непонятную тревогу. Такую же тревогу, только в десятки раз более сильную, Олег почувствовал в тот момент, когда Леночка заявила о своем намерении сдать на права, а потом и сесть за руль машины. Масштаб неприятностей, которые могла принести странная шептунья, был несоизмеримо меньше, но все

же ее появление было однозначно не к добру.

Появление этой женщины у них дома совпало с тем, что Олегу досталась путевка на санаторно-курортное лечение. И если бы в другой раз он был бы рад возможности куда-то поехать, то теперь неясная тревога отравляла ему все удовольствие от предстоящей поездки. Но отказаться от лечения значило бы нанести ужасный удар Раисе Никитичне. Жалея тещу, которая столько сил и времени потратила на то, чтобы выбить для него эту путевку, Олег даже не стал заикаться о том, что ехать не очень-то хочет.

Так и получилось, что они расстались почти на целый месяц. Олег поехал и ни разу не пожалел об этом. Оказалось, что, будучи прикован к дому, он страшно истосковался по живому человеческому общению. Раиса Никитична была слишком занята, чтобы уделять ему много внимания. Да и не любила она разговаривать, считая это делом зряшным, пустой тратой времени, ни к чему в итоге не приводящей.

Но Олег был другим. Он любил поболтать. Еще в пути он почувствовал, что ему нравится путешествовать. Люди встречались удивительные, интересные. Они слушали рассказ Олега и обещали ему, что все у него будет хорошо. Незаметно Олег и сам как-то проникся этой уверенностью. Прибыв на место, он начал с нетерпением ожидать назначения процедур, которые смогут повлиять на ускорение выздоровления.

– Будете принимать лечебные ванны с морской солью, –

услышал он предписание врача. – Прописываю вам также пить минеральную воду.

Олег едва не застонал от огорчения. Ванны с морской солью и минеральная вода! И стоило ему ради этого ехать в такую даль! Пить минералку и мокнуть в ванне с морской солью он мог и дома!

– Пропишите мне еще чего-нибудь! – потребовал он.

Но врач в ответ лишь произнес:

– Знаете, я тут посмотрел ваши последние снимки, сделанные перед отъездом...

– И что? – встревожился Олег. – Мне говорили, что они неплохие.

– Неплохие? Да вас обманули, они просто великолепны! Вы, молодой человек, удивительно быстро восстановились. Похоже, ваш организм обладает потрясающей способностью к регенерации. Это настоящее чудо, вот что я вам скажу.

– Так что же... Мне и лечиться не надо?

– Почему же? Зрение-то пока что к вам не вернулось. Конечно, минеральные источники вам в этом вряд ли помогут, но вы все же пейте. И побольше гуляйте, вот что я вам скажу.

Олег приступил к выполнению назначений. Его покойный отец был человеком военным и приучил сына к дисциплине. Так что Олег начал пить целебную воду, и хотя для этого ему приходилось проделывать пешком длительные прогулки до источника, он быстро выучил маршрут и вполне мог добираться до нужного места не хуже других зрячих пациентов.

Единственное, о чем жалел Олег, так это о том, что он не может видеть восхитительных окрестных пейзажей. О том, что они восхитительны, Олег узнавал от своих знакомых, которые описывали их ему в самых ярких красках. Иногда их восторги становились слишком уж бурными, и тогда Олег отправлялся назад один. Считая шаги, он добирался до места без особых проблем, вызывая неизменное недоумение у всех, кто знал о его недуге.

– Ты не видишь ни черта, а никогда не теряешься. А я хоть и вижу, а вчера умудрился не туда свернуть. Как у тебя это получается?

– Не знаю, получается, и все. Я просто знаю, куда нужно идти, а куда не нужно.

– Вот так просто знаешь, и все?

– Да, – кивал Олег, умалчивая, что еще и шаги считает.

– Ну, ты молоток!

Восторги знакомых побудили Олега к еще большим геройствам. Он перестал носить с собой белую трость, обходясь довольно часто и без нее. В утренние часы движение в городке было совсем незначительным. А неровности под ногами Олег каким-то образом умел угадывать всегда и везде, ни разу с того момента, как он ослеп, ему не пришлось шагнуть в опасное место, упасть или даже просто споткнуться.

Какая-то непонятная сила заставляла его обходить и ямки, и камешки, и прочие неприятные преграды. Олег и раньше отмечал за собой эту особенность, радовавшую его, а

теперь в незнакомой обстановке это чувство предвидения еще больше у него обострилось. Так что, окончательно расхрабравшись, Олег предпочитал оставлять надоевшую ему трость в палате и отправлялся в путь без нее.

Всякий раз, проходя перекресток, где ему надо было повернуть направо к санаторию, Олег слышал один и тот же женский голос:

– Купите сувенир, молодые люди!

Обычно он шел в компании и проходил мимо, так как никто не останавливался. Но в тот день, когда с ним произошло замечательное событие, он шел один и все же задержался и подошел ближе, словно ведомый каким-то неведомым ему самому предчувствием чего-то необычного.

– Купите сувенир, – повторил тот же голос, но уже значительно приветливее. – Выбирайте что нравится.

Олег протянул руку, еще не зная толком, что тут продается, но внезапно ощутил, как ему на ладонь положили что-то прохладное и гладкое.

– Петушок, – сказал голос. – Смотрите, какой красивый!

Олег моргнул глазами и внезапно увидел. Да, он увидел по-настоящему, без всякой выдумки. На один краткий миг он увидел и улыбающееся ему лицо продавщицы, и петушка с нарядным ярким хвостом, и весь прилавок, заставленный крохотными декоративными поделками из цветного стекла. Продавщица была под стать своему товару, тоже какая-то хрупкая, прозрачная и при этом разноцветная. На ней были

надеты голубая кофта, фиолетовый шарфик, оранжевая юбка и зеленые колготки. Даже прядки волос у нее на голове были окрашены во все цвета радуги и торчали во все стороны, придавая продавщице сходство со взбесившимся ежиком.

Видение длилось всего лишь одну секунду. Олег даже не успел снять темные очки, которые носил, чтобы не пугать людей своим пустым, остановившимся и ничего не выражающим взглядом. И вот яркий солнечный день померк, и снова все вокруг Олега стало темным, лишь слегка разбавленным знакомыми серыми тенями.

Но теперь Олег знал, что надежда у него есть. И еще он знал, что этого петушка он обязательно у разноцветной продавщицы купит. Ведь это была первая вещь, которую он увидел за долгое время слепоты. И также он знал, кому подарит эту игрушку. Он подарит петушка своей теще. Она это честно заслужила. Это ведь благодаря теще он оказался в этом замечательном месте, где вновь обрел возможность видеть.

– Сколько? – внезапно охрипшим голосом произнес он.

Продавщица сказала, он заплатил, а потом побрел к санаторию, уже не считая шаги и озабоченный лишь тем, чтобы не повредить хрупкое стеклянное чудо, которое лежало у него в кармане. С тех пор он часто сворачивал к этому прилавку и, невзирая на протесты своих знакомых, обязательно выбирал и покупал одну из стеклянных игрушек.

В душе он надеялся, что сумеет еще хотя бы разочек про-

зреть. Но тщетно. То ли потому, что рядом все время толклись другие люди, то ли по другой причине, но прежнего чуда больше не повторялось. И все же Олег не унывал. Он надеялся, что если один раз случилось, то случится и еще. А может быть, и не раз. Олег не признавался даже самому себе в том, как хочется ему вновь нормально увидеть мир. За время слепоты он уже и забыл, как прекрасно видеть все, что тебя окружает, какой это великий дар – зрение. Простенькое личико продавщицы, мелькнувшее всего на долю секунды, показалось Олегу самым волшебным видением. И он стремился к ней раз за разом, все надеясь и ожидая чуда.

Но заговорить с ней он стеснялся. Да и что бы он ей сказал? Так что он молчал, лишь скупая стеклянные безделушки в таких количествах, что вызвал насмешки знакомых.

– Для кого ты скупаешь весь этот хлам? – пренебрежительно поинтересовался у него Димка – сосед по палате, совсем молодой еще парень, тем не менее обремененный уже тремя девчонками, старшая из которых ходила в первый класс, а младшая еще вопила в пеленках.

От обилия женского пола у себя в доме Димка даже получил нервный стресс, выразившийся в сильнейших головных болях, которые начинали его мучить, стоило лишь бедолаге услышать рядом с собой детский или женский голос.

– Так для кого ты берешь эти стекляшки?

– Для тещи. В подарок.

– А-а-а... – многозначительно протянул Димка. – Ну, для

тещи, тогда, конечно, и такой хлам подойдет!

Олег ничего ему не ответил. По телефонным звонкам от домашних, которые преследовали его приятеля на лечении, Олег понял, что причина недомоганий приятеля, скорей всего, кроется как раз не в жене или дочках, а в теще. Именно эта особа обладала столь высокочастотным тембром голоса, что у самого Олега голова начинала побаливать, хотя до него голос доносился, уже изрядно приглушенный расстоянием. А вот Димка, вынужденный вести диалог с тещей, страдал по полной. Нередко после вечернего диалога с тещей он принимался страдальчески стонать и вертеться на кровати. Олег понимал: у Димы вновь разболелась голова.

У Олега все было иначе. Ради своей тещи он был готов отдать все на свете. И поэтому самую дорогую ему игрушку он, вернувшись домой, подарил ей в первую очередь.

Олег уже собирался рассказать теще и о том, что поездка его не прошла даром, он начал поправляться, но Раиса Никитична неожиданно перебила его.

– Олежек, мне тебе кое-что сказать надо, – осторожно произнесла теща.

Олег был готов поклясться, что на лице у нее проступило виноватое выражение.

– Что случилось?

– Я ведь теперь не одна, Олежек.

– В каком это смысле? Вы с кем-то познакомились? С женщиной?

Олег был бы этому только рад, но теща развеяла его мысли одной короткой фразой:

– Нет, от мужчин меня тошнит. Ох, прости, Олежка, не о тебе речь. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – пробормотал Олег, хотя, по правде сказать, ровным счетом ничего не понимал.

Но теща принялась говорить дальше, и Олег уразумел, что крылось под загадочными намеками его тещи. На самом деле ничего загадочного в этой истории не было. Те тихие, пахнущие свечным воском милые тетеньки, появление которых застал еще Олег, за время его отсутствия основательно расплодились и заняли почти все пространство как в доме, так и в голове милейшей Раисы Никитичны, теперь с восторгом вещающей о них:

– Представляешь, никогда еще вокруг меня не было такого количества хороших людей. Такие там у них все добрые, такие ласковые, все друг другу стремятся помочь. Я никогда ничего подобного до сих пор не встречала.

Олег уже давно почуял, что дело неладно, но встревать с укорами не спешил. Он лишь поинтересовался:

– А где это – у них?

Оказалось, что у них – это в церкви Святого Пергаминаона. Олег никогда про такую церковь не слышал, да и имя святого показалось ему чудным, но критиковать он не стал. Нутром чуял, что всякую критику в адрес упомянутой церкви и ее служителей теща встретит в штыки.

Раиса Никитична продолжала радоваться:

– Такие милые, такие ласковые они там. Все по дому делают, мне совсем работы не остается. Ну, разве что иногда чашечку вымою за собой или тарелку, так и то они меня ласково журят, мол, не надо, Раиса Никитична, утруждать себя, вы только отдыхайте, все за вас будем делать.

– И отчего же это они такие ласковые с вами? – не удержался, спросил у нее Олег.

И сразу же почувствовал, что зря спросил.

– Потому что люди все хорошие! Но тебе, как я вижу, этого не понять.

Голос у женщины вдруг сделался холодным и жестким, совсем неродной голос, такого голоса Олег у своей доброй тещи никогда прежде не слышал. И если честно, он даже сначала подумал, что в машину, незаметно для него, уселась какая-то незнакомая женщина, которая и произнесла эти слова. Олег даже втянул воздух носом, чтобы убедиться, что не пропустил чужого запаха, но нет, тут были только он сам и его теща.

– Раиса Никитична, да я рад! – воскликнул Олег. – Честно рад, что у вас появились друзья.

– Это не просто друзья, – строго поправила его теща, хотя голос у нее сделался уже добрее. – Это мои братья и сестры.

Этого еще не хватало! Какие там братья и сестры? Олег прекрасно помнил: теща всегда уверяла, что была у своих родителей единственным ребенком, и как ей пришлось тя-

жело, когда она осталась после их смерти совсем одна-одинешенька во всем большом мире.

– И я перед этими хорошими людьми очень виновата, – продолжила говорить теща.

– Виноваты? И в чем же?

– Тебя утаила.

– Меня? Как вы могли меня утаить?

Олег искренне недоумевал. Но теща ничего удивительного не видела и сказала:

– Обыкновенно. Я ведь с ними случайно познакомилась. То есть не случайно, теперь-то я понимаю, что можно сказать: меня с ними сам Господь свел.

– И где же это произошло?

– В храме божьем! – торжественно возвестила теща. – В тот день я в нашу церковь случайно зашла. Свечки стала покупать, а бабулька, которая за мной в очереди стояла, вдруг со мной и разговорилась. Мол, кому ставлю да за кого? Ну, я ей и рассказала про Ленку. И представляешь, такой человек хороший оказался, сразу же мне две свечки купила. Да не за десять рублей свечечки стеариновые выбрала, а те, что дорогие, большие да из желтого воска, я сама такие никогда и не брала. Одну за Леночку, а еще одну велела мне за себя саму поставить. И денег не взяла!

Теща сделала паузу, и Олег понял, что она ждет от него восхищения щедростью незнакомой старушки. И послушно выдавил из себя:

– Потрясающе.

– Да, вот я и говорю: стою я, свечи эти, мне даденные, зазгла, молюсь, вдруг ко мне женщина такая подходит, немолодая уже, но еще и не старая. Встает рядом и разговаривает так со мной обходительно. Мол, ей матушка рассказала, что у меня дочь умерла. И выражает мне свое сочувствие. Приходите, говорит, к нам. В этом храме одна лишь показуха, а подлинный Дух Святой лишь у нас в приходе, говорит. Приходите, сами поймете разницу.

– И что же? – еще больше встревожился Олег. – Вы пошли?

– Конечно! И не пожалела! Такой любовью меня окружили, такой заботой! Каждый только и мечтал, что подойти ко мне, как-то ободрить, слово доброе сказать. Сколько раз я в нашу церковь приходила, хоть бы кто мне словечко сочувствия сказал! А ведь я в наш приход уже, почитай, почти полгода как на работу хожу. Почти каждый день у них бываю. И до сих пор никто даже простого «здравствуйте» не сказал! А тут... Но слушай все по порядку.

Олег слушал дальше, стиснув зубы. История нравилась ему все меньше и меньше, но он крепился и молчал, не желая спугнуть откровенность тещи.

Узнав от Раисы Никитичны, что она недавно похоронила единственную дочь, женщина из церкви таинственного Пергаминона всплеснула руками и воскликнула:

– А живете-то вы как? Кто же вам помогает?

Раиса Никитична из справедливости упомянула женщину из собеса, но здешняя женщина в платочке только возмущенно замахала на нее руками.

– Какая там от нее помощь! Знаю я: продукты или пенсию притащат – и до свидания! Бултыхайтесь дальше как знаете. А в квартире столько всего нужно переделать. Особенно если квартира большая. У вас-то большая квартира?

– Большая.

– Поди, с уборкой трудно приходится?

Раиса Никитична доверчиво рассказала, что в квартире у нее три комнаты, и все три очень большие, пылесосить их трудно, не говоря о том, чтобы хорошенько мокрой шваброй пройтись. И еще холл в квартире имеется, который один целых двадцать метров, а грязи в нем столько, что плитки под ней уже не видно. И еще две лоджии, на которых стекла тоже уже давно не мыты, ежегодная головная боль.

Услышав про две лоджии, женщина в платочке тут же заявила:

– Мы берем над вами шефство! Прямо сегодня же пришлю к вам двух хороших женщин из нашего прихода, в их обязанности входит забота о пожилых людях. Раз вы одиночки и вам нужна помощь, мы с радостью окажем ее вам!

Женщина в платочке не обманула Раису Никитичну. Две женщины появились практически сразу. У Раисы Никитичны даже создалось такое впечатление, что они находились где-то неподалеку от церкви, чтобы по первому же свистку

своей руководительницы явиться под ее начало. Обе были со швабрами и ведрами, в которых гремели флаконы с моющими средствами для окон. И обе были готовы делать добрые дела.

Встретив Раису Никитичну у дверей храма, эти женщины под белы руки проводили обомлевшую от счастья старушку до дома, где тут же принялись сноровисто все мыть, убирать и чистить.

– Ты уж не обессудь, Олежек, – извиняющимся голосом произнесла Раиса Никитична, – знаю, что ты ничего не видишь, так я уж тебе признаюсь... Квартирку-то нашу я за эти полгода основательно... того... запустила.

– Раиса Никитична, что вы такое говорите!

– Да уж знаю, что говорю, – вздохнула теща. – Никогда чистюлей не была. Это Ленка обожала вечно с ведром и тряпкой возиться. А как ее не стало...

И Раиса Никитична хлопнула носом.

– Как Ленки не стало, так мне уборкой заниматься совсем тошно стало. Можно сказать, что я на нее совсем забила. Все хозяйство запустила. Веником иногда еще махну, а чтобы с тряпкой по углам ползать, как Лена делала, такого я и не припомню. Так что в квартире у нас к твоему отъезду все вверх дном было, через окна света белого было не видеть, особенно через те, что на улицу выходят.

Квартира Раиса Никитичны была двухсторонней. Две комнаты выходили во двор, там пыли и грязи было меньше.

Зато окна третьей комнаты и кухни, которые выходили на улицу, загрязнялись очень быстро. Олег и сам помогал Лене мыть эти окна, и мог сказать, что уже через неделю результата их усилий почти не было заметно. Потрясенный свалившимся на него несчастьем и инвалидностью, он не слишком задумывался о том, что же происходит вокруг него. Но после слов тещи понял, что уборка их квартире и впрямь требовалась генеральная. Вдвоем им было бы с ней нипочем не справиться.

– Зато теперь нашу квартиру не узнать – такие всюду чистота и порядок!

Убираясь в квартире, женщины между делом поинтересовались у Раисы Никитичны, чьи это мужские вещи находятся в дальней комнате.

– И тогда я им соврала. Сказала, что это жилец у меня. Но что сейчас он уехал.

– То есть я? Зачем же вы обманули их?

– Сама не знаю, – призналась Раиса Никитична. – Неудобно как-то показалось про тебя говорить. Вроде бы я им уже сказала, что одинокая, они мне поэтому окна во всей квартире вымыли, а вдруг бы выяснилось, что у меня сын есть?!

Сердце у Олега невольно дрогнуло. Раиса Никитична и раньше всегда говорила, что он ей как сын родной, но чтобы вот так промежду делом в разговоре упомянуть Олега именно в этом качестве, такого еще не бывало. И он неожиданно почувствовал, что его веки увлажнились.

– Да будет вам, Раиса Никитична, сказали и сказали, я на вас не в обиде.

Но оказалось, что у тещи другое на уме.

– Оно и понятно, не на что тебе обижаться, ничего дурного я не имела в виду, только теперь ты уж обман этот поддержи.

– Подыграть вам? Сказаться вашим жильцом?

– Вот именно.

Олег был неприятно удивлен. Он снял очки, но совсем не потому, что хотел протереть их. Просто ему было нужно как-то скрыть свое смущение. Но тут внезапно без всякого предупреждения у него в глазах сверкнула яркая вспышка света, и он увидел и перрон, и людей, а прямо перед собой – лицо Раисы Никитичны. И от этого зрелища Олег сильно вздрогнул. Он помнил свою тещу прежней – румяной и кругленькой старушкой. Но теперь Раиса Никитична выглядела такой постаревшей, исхудавшей и измученной, что Олег даже не сразу понял, что это она.

Было видно, что эти полгода бедной женщине тоже дались очень нелегко. При виде постаревшей тещи сердце Олега пронзила такая острая и щемящая жалость, что все недобрые мысли мигом исчезли из его головы. Бедная Раиса Никитична! И уже не обращая внимания на то, что вспышка света вновь угасла и вокруг снова была темнота с неизменными серыми тенями, Олег отыскал руку тещи и сжал ее.

– Помру я скоро, Олежек, – спокойно сказала теща. – А

эти женщины и за мной, и за тобой присмотрят. Лучше нам с тобой никого не найти. Я им потом скажу правду о тебе, ты не сомневайся.

– Я все понял, – пробормотал Олег. – Не беспокойтесь.

Раиса Никитична ответила на его рукопожатие, но к дальнейшим разговорам была явно не склонна. Поэтому остаток пути до дома они проделали в молчании. Олег так и не улучил удобного момента, чтобы порадовать тещу новостью о своем исцелении. Ничего, он скажет ей позднее. Еще будет время.

Олег и раньше не сомневался в том, что он наконец встал на путь выздоровления. И сегодняшней случай лишь подтвердил это его ощущение. Вторая вспышка света была более продолжительной. Олег успел разглядеть не только лицо Раисы Никитичны и перрон вокзала, но он даже увидел спешащих на свой поезд пассажиров и понял, куда они едут. Олег успел прочитать табличку на поезде «Санкт-Петербург – Краснодар». Это было для него настоящим чудом.

Конечно, это были считанные доли секунды, но все же вторая вспышка света была чуть продолжительнее первой. Да и как ни коротки были эти мгновения вернувшегося к Олегу зрения, но они были желанны для него. Лишь потеряв зрение, Олег ясно осознал, насколько великий дар был ему в свое время дан Создателем.

Глава 3

На пороге квартиры их уже встречали. По голосам Олег понял, что тут не меньше трех женщин. Оказалось, что их четыре. Еще одна возилась на кухне, ставила пироги в духовку. Олег потянул носом, теперь запаха воска и свечей почти не чувствовалось. Пахло рыбой, видимо, то была начинка в пирогах.

Их тепло и радостно приветствовали. Хотя если быть совсем точными, то вся теплота и ласка достались теще Олега, для него самого у женщин нашлось лишь крайне сухое «здравствуйте».

Раиса Никитична была знакома со всеми этими женщинами, разговаривала она с ними легко и запросто, как со старыми приятельницами. И Олег с удивлением услышал, как его легенда жильца в устах Раисы Никитичны быстро обрастает подробностями. Оказалось, что он был вынужден бежать от военных действий на Украине. Что зрение потерял во время бомбежки. Что в России ему уже оказана всяческая медицинская помощь, но пока надежды на то, что зрение к нему когда-нибудь вернется, нет.

Искренне недоумевая, зачем теще нужно все это вранье, Олег пошел к себе в комнату и в первый момент даже растерялся. Комната казалась совсем чужой. Тут был другой запах, стояли чужие вещи. А вот его собственных вещей по-

чему-то совсем не было. Олег с недоумением провел рукой по полке в шкафу, где обычно лежала его домашняя одежда, которую он и хотел сейчас надеть.

Удивившись, Олег вышел, чтобы узнать, что это все значит.

– А это я убрала! – радостно воскликнула одна из женщин. – Думала, что вы съезжать собираетесь, вот и позаботилась, собрала все ваши вещички, чтобы вам помочь!

Интересно, с чего она решила, будто Олег собирается уезжать? Олег ждал реакции тещи на это замечание, но Раиса Никитична то ли сделала вид, что ничего не слышит, то ли действительно не слышала. Ситуация стала казаться Олегу еще более странной и пугающей, нежели вначале. Может быть, Раиса Никитична хочет, чтобы он съехал от нее? Что же, он готов. Ясно, что теще он явно в тягость, одной ей будет куда легче устроить свою жизнь, чем влача за собой еще и его – беспомощного инвалида.

Серые тени, которые давно и прочно поселились в голове у Олега, в этот момент умножились в числе. И как всегда бывало, когда теней прибывало, настроение у Олега стремительно падало, а в голову приходили самые темные и отчаянные мысли.

Видимо, теща давно подумывала о том, чтобы избавиться от балласта. Но сказать Олегу прямо, чтобы он собирал манатки и перебирался к себе, Раисе Никитичне было неудобно. Вот она и придумала этот обходной маневр с привлече-

нием посторонних людей, которые и озвучат Олегу позицию хозяйки квартиры.

И все же что-то не давало Олегу поверить в то, что теще не терпится от него избавиться. Она каждый вечер звонила ему в санаторий, заботливо интересовалась, как проходит лечение. И неоднократно подчеркивала, что скучает по нему, что больше у нее никого из родственников не осталось, что ждет возвращения Олега домой. И вот теперь он вернулся, а его вещи собраны? И как это понимать?

Недоразумение разрешилось, когда Олег подошел к Раисе Никитичне, чтобы у нее узнать: оставаться ему или уезжать?

– С чего вдруг такой вопрос? – удивилась теща. – Конечно, ты у себя дома!

– Но мои вещи... они собраны.

– Так тебе их сейчас помогут разобрать! – не очень-то разобравшись в ситуации, бодро воскликнула теща. – Женечка, Катюша, помогите Олежке с его вещами!

Вместе с Олегом в его комнату пошли две женщины. Но помогать ему в разборке вещей они не торопились. Пока Олег выгружал из сумки свои вещи, эти женщины уселись рядом с ним и завели разговор о том, какое доброе и мягкое сердце у их Раисы Никитичны. И как нехорошо и стыдно, когда кто-то этой добротой беззастенчиво пользуется.

Олег молчал, понимая, что это говорится исключительно для него самого, в его адрес летят камешки. Также он понимал, что тетки хотят выпихнуть его из этой квартиры, хотят,

чтобы он ушел со всеми своими вещами и не возвращался впредь. Но Олег решительно не понимал, почему эти женщины так сильно хотят от него избавиться.

Он попытался примирить их со своим присутствием. Отпустил несколько шуток, польстил женщинам, сказав, что у них чудесные и мелодичные голоса, напоминающие пение птиц. Хотя, если бы женщины пожелали уточнить, каких именно, наверное, Олег был бы вынужден признаться, что больше всего их голоса напоминали ему карканье ворон.

Но тетки на лесть не повелись и добрее к Олегу не сделались. Сидели и твердили, что он должен понимать, что до бесконечности пользоваться чьей-то добротой все же нельзя.

Из неприятной ситуации Олега вызволил голос тещи:

– Олежек, вы там закончили? Идите есть!

Олег думал, что хотя бы за столом женщины оставят их с тещей в покое. Куда там! Женщины сначала помолились, Раиса Никитична тоже вторила им, а затем все расселись вокруг стола, и за едой потек неспешный разговор о церковных праздниках, святых, их деяниях. И о милосердии к своим близким, и о христианском смирении, и об умении прощать своих врагов.

Казалось бы, можно и расслабиться, темы были все такие благочестивые, но что-то не позволяло Олегу это сделать. Да и аппетита почему-то совсем не было, хотя еще час назад он буквально умирал от голода. Ковыряя свой кусок пирога, Олег невольно заметил, что ему положили угол с такой

толстой коркой, что начинки в куске почти совсем не было. Снова ему давали понять, что он тут пятое колесо в телеге, никому он не нужен, его присутствие нежелательно и обременительно.

А разговор между тем все тек и тек. Он показался Олегу скучным, и он невольно начал зевать. Раиса Никитична заметила это первой и воскликнула:

– Олежек, да ты устал с дороги. Иди, отдохни.

Кивнув теще с искренней благодарностью, Олег поплелся к себе. Он надеялся, что к тому времени, когда он проснется, ни одной из чужих женщин в квартире уже не останется.

Его надежды сбылись лишь отчасти. Когда он проснулся, количество посторонних женщин в квартире сократилось, но одна все же присутствовала. Как понял Олег, прислушиваясь к ее голосу, это была какая-то новая, те четверо, что встречали их по приезде с вокзала, уже ушли. Но эта вновь откуда-то материализовалась и беседовала теперь с Раисой Никитичной по поводу того, каких свежих овощей и сколько привезти завтра с рынка. Выбирать овощи будет она, а завезти их должна будет некая Яна.

– Сколько же их всего? – задал пораженный Олег вопрос самому себе. – Четырех я уже слышал, эта пятая, но, оказывается, есть еще и шестая – какая-то Яна?

Ему снова стало неудобно. Он чувствовал себя как загнанный зверь, вокруг которого сжимается кольцо облавы, а он ровным счетом ничего не может поделывать. Слушая разговор

Раисы Никитичны с незнакомой женщиной, он понял, что она и ее приятельницы проникли абсолютно во все сферы жизни тещи. Они покупали ей продукты и лекарства, убирали квартиру, они бегали в поликлинику и стояли там в очередях к врачам, к которым Раиса Никитична хотела навеститься за консультацией.

Они даже успели свозить Раису Никитичну к какому-то Борису Михайловичу – профессору и светилу медицины, который осмотрел женщину, побеседовал с ней и нашел, что ей необходим длительный отдых на природе.

Теперь теща говорила своей новой знакомой:

– Вот потеплей станет, куплю себе путевку и поеду.

– Зачем же вам деньги на путевку тратить? У нас есть прекрасный коттедж, где вы будете на полном обеспечении.

– За большим домом и следить нужно, – сомневалась Раиса Никитична. – А как я смогу? Мне даже эту квартиру не под силу самой содержать, где уж на целый дом силы найти?

– Вам ничего не нужно будет делать! – вдохновенно вещала незнакомая женщина. – Экономка, садовник, повариха, три горничные. Полный сад цветов, за оградой – лес и озеро. Можно добраться на электричке до Зеленогорска, а оттуда уже рейсовым автобусом. Но, разумеется, делать этого вам и не понадобится, мы отвезем вас на машине.

– Не знаю, – сомневалась теща. – Удобно ли?

– О чем вы говорите, Раиса Никитична! Как же неудобно? Помилуйте! Вы же теперь наша, мы о вас заботиться будем.

Поверьте, все ваши прошлые невзгоды остались позади.

– А что, и поеду! – решила теща. – Вот только как с Олегом быть? Кто за ним присмотрит?

Видимо, она ждала, что добрая знакомая сейчас скажет, что они присмотрят за Олегом, возьмут на себя заботу о бедном слепом инвалиде, но женщина неожиданно произнесла:

– Раиса Никитична, голубушка, а зачем вы вообще возитесь с этим человеком?

– А как же иначе?

– Скажите, он ведь вам не родня?

– Ну... нет.

– А ведь он вами пользуется! Вы сами говорили, что целыми днями по его делам бегали все последние полгода. Здоровье свое расшатали.

– Не только по его делам, но да, и по его делам тоже.

– Вот видите! А зачем это нужно? Ему некуда идти? У него нет своей квартиры?

– Квартира-то у него есть...

– Есть?

Что-то в голосе молодой женщины изменилось. Похоже, что информация о том, что у Олега имеется собственная жилплощадь, ее очень заинтересовала.

– И где она, эта квартира?

Олег напрягся. Ему совсем не хотелось, чтобы теща выболтала адрес его квартиры. Ну, не хотел он, чтобы эти малопонятные дамочки узнали бы о том, где находится его дом.

Но у тещи в голове еще сохранились остатки здравого смысла, и она ответила:

– Да я не знаю толком. Знаю, что есть.

– И кто там живет?

– Какие-то люди.

– То есть он сдает эту квартиру?

– Марфушенька, душенька, ну не пытай ты меня! Честное слово, не знаю я ничего! – взмолилась Раиса Никитична.

И та, которую она назвала Марфушенькой, тут же изменилась, снова ласково зачирикала и залюбезничала с тещей.

– А хотите, я вам ванну налью?

– Вообще-то неплохо бы.

– Вот и чудненько! Полежите, расслабитесь, пока Олег спит.

И Марфушенька порхнула в ванную комнату, откуда слышались звук льющейся воды и ее голосок, который ласково приговаривал:

– Я вам пенку налью и соли душистой добавлю. Будете как королева в пене возлежать.

Устроив Раису Никитичну в ванне, женщина ненадолго замерла, словно прислушиваясь к тому, что делалось в квартире. Олег все это время не шевелился и не показывал, что проснулся. А когда он услышал, что шаги приближаются к его комнате, то и вовсе замер.

Женщина осторожно вошла к нему и вполголоса спросила:

– Олег, вы спите?

Олег едва сдержал ухмылку. Так он себя и выдал!

Решив, что Олег спит, женщина принялась ходить по его комнате. Судя по шороху, она переставляла и перекладывала с места на место предметы, одежду. Олег терялся в догадках, пытаясь понять, что нужно этой особе от него. Но неожиданно ему повезло. Зрение вновь вернулось к нему, и он снова увидел знакомые до боли стены.

Стоящая к нему спиной женщина как раз рылась в его сумке. От возмущения у Олега даже дыхание перехватило. Нахалка! Роемся в его вещах! Но женщина держалась совершенно невозмутимо, словно так и полагалось. Она открывала и закрывала карманы, шарила по отделениям и даже залезла в потайной отсек, где у Олега хранились документы, деньги, кредитки и прочее.

Найдя паспорт Олега и выпрямившись, женщина неожиданно быстро повернулась вокруг оси и кинула в сторону кровати Олега острый взгляд, словно бы почувствовав неладное. Олегу оставалось только порадоваться, что он не снял темных очков, так в них и заснул. Поэтому теперь женщина не могла увидеть ни его открытых глаз, ни негодования в них.

В руках у женщины был паспорт Олега, который она, хмыкнув, принялась изучать. Олег не знал, как ему нужно поступить, и поэтому продолжал притворяться спящим и дальше. Прежде чем тьма снова закрыла его глаза, он успел

изучить лицо женщины очень внимательно. В принципе он бы даже назвал ее симпатичной. Круглое личико, ямочки на щечках, пухлые губки. Вот только выражение какого-то злорадного удовольствия, с каким эта особа рассматривала его паспорт, здорово ее портило.

Закончив обыскивать вещи Олега, женщина вышла из комнаты. Олег поспешно вскочил и на цыпочках подбежал к сумке. Сунув в нее руку, он нащупал знакомую корочку. Все-таки незнакомка не решилась украсть его паспорт, она вернула его на место. На всякий случай Олег решил взять документ поближе к себе. Запрыгнув обратно в постель, он прижал заветный паспорт к груди, бормоча:

– Обложили, просто со всех сторон обложили!

Вскоре он снова услышал Марфушеньку. Она суетилась на кухне, готовя ужин. А потом своим притворно ласковым голоском попросила Раису Никитичну сходить за ним, чтобы привести к столу.

– Олег, просыпайся, поужинаем.

Готовить Марфушенька умела. Она приготовила очень вкусную и нежную рыбку, которую подала с запеченным в сливках зеленым горошком и молодой морковью. А на сладкое был травяной чай с бисквитом, насквозь пропитанным вареньем.

Теща всегда отличалась хорошим аппетитом, да и сладенькое она любила. Так что Раиса Никитична съела два куска и выпила две кружки чаю. Олег с трудом съел рыбу, от

бисквита отказался, аппетита у него по-прежнему не было, а вот чай Марфушенька отнесла ему в комнату, проявила заботу. И все равно Олега не оставляло ощущение, что эта женщина задумала что-то недоброе не только против него, но и против его дорогой тещи.

Он дождался, когда Марфушенька удалится, и предпринял попытку поговорить с тещей:

– Кто эти люди? Что вы про них знаете? Можно ли доверять им?

– Отчего же не доверять?

– А вдруг они таят какие-то недобрые мысли?

Лучше бы он этого и не говорил! Теща напустилась на него с упреками, что он не умеет отличать хороших людей от дурных. А потом еще и прибавила с укором:

– Ты бы только знал, насколько расцвела моя жизнь с появлением этих женщин! Они же буквально на руках меня носят!

– Да я вижу, но только один вопрос: а зачем им это нужно?

– Как это – зачем? Затем, что они добрые и хорошие люди! Живут, чтобы творить добро! Рядом с ними я наконец-то отогрелась и душой, и телом.

– Я очень рад за вас, но все же мне кажется, что у этих людей есть что-то на уме и помимо того, чтобы носить вас на руках. По крайней мере, рассмотрите такой вариант, что они делают это отнюдь не бескорыстно.

Но теща подняла его на смех.

– Что у меня есть? Квартира?

– Да.

– Так она все равно тебе достанется! Ты – мой единственный наследник.

– А эти женщины об этом знают?

– Зачем им об этом знать? – спокойно произнесла теща. – Придет время – узнают. – Вздохнув, она прибавила: – Думаешь, я не понимаю, что они из-за квартиры вокруг меня суеются? Понимаю. Только пусть уж лучше они, чем какие-нибудь мошенницы.

– А насчет них вы, значит, точно уверены, что они не мошенницы?

– Честные женщины, верующие. После моей смерти они и тебя не бросят, особенно когда узнают, что квартира теперь тебе принадлежит. Будут и за тобой ухаживать, никуда не денутся. За мной-то им уже недолго ходить осталось. А вот ты, Олежек, надеюсь, поживешь еще, да? Заставишь их за квартиру нашу попотеть, а?

Теща пыталась шутить, но Олегу было не до смеха. Он очень хотел возразить теще, что родство у них не прямое, а по документам они теперь и вовсе чужие друг другу люди. Так что без написанного в его пользу завещания эта квартира может достаться ему в самую последнюю очередь. Но спрашивать, есть ли такое завещание, он постеснялся.

Они еще немного поговорили с Раисой Никитичной, а потом разошлись по своим спальням. Теща сказала, что после

ванны ее клонит в сон. А Олег чувствовал себя огорченным и недоумевающим, так что тоже забрался в кровать и попытался обдумать то, что ему довелось узнать за этот день. Задуманный тещей план Олегу категорически не нравился. В отличие от тещи он этим женщинам совершенно не доверял. Если одна из них прямо с ходу начинает рыться в его вещах, то что же будет потом?

Итогом всех размышлений стало следующее решение: завтра же он наведается в этот приход Святого Пергаминона, а прямо сейчас влезет в Гугл. Должно же там быть хоть какое-то упоминание об этом таинственном Пергаминоне и его приходе. Даже если Олегу придется потревожить кого-нибудь из соседей, чтобы они помогли ему прочитать нужную информацию в Интернете, Олег пойдет и на это. Как говорится, когда в доме пожар, тут уж не до церемоний.

«Надо разобраться с этими тетками, кому они там служат?»

Вот только этому намерению Олега не суждено было осуществиться. Домашний Интернет оказался заблокированным. На телефоне у Олега тоже не хватало денег, чтобы воспользоваться услугой мобильного Интернета. И даже обещанный платеж был уже проговорен, и деньги эти требовалось еще вернуть.

Поняв, что до завтрашнего дня он не дотерпит, Олег тихонько оделся и вышел из дома. Он хорошо знал путь до ближайшего терминала приема платежей, так что не заблудил-

ся, добрался, с помощью знакомой продавщицы заплатил за телефон и сумел вернуться назад опять же без каких-либо приключений.

Вернувшись домой, Олег на какое-то время замер возле входной двери. Ему показалось, что в доме посторонний. Он не мог сказать, почему ему так кажется. Просто в воздухе витало что-то непонятное, какая-то сложно уловимая смесь посторонних запахов. Возможно, их принесло от соседей?

Голова у Олега в этот момент дико разболелась, перед глазами замелькали серые тени, так что он был вынужден даже схватиться за стену.

Почти жалобно он спросил:

– Раиса Никитична, вы спите?

Олег замер, ожидая ответа тещи. Его не последовало и, потоптавшись в прихожей еще немного, Олег, в конце концов, пошел к себе в спальню. Там все было спокойно и пахло как обычно. В ожидании того момента, когда сделанный платеж будет зачислен на его счет, Олег сам не заметил, как выпил весь чай, оставленный в его комнате заботливой Марфушенькой. После этого его неожиданно снова потянуло в сон, какое-то время Олег боролся с самим собой, но под конец не выдержал и все же задремал.

Деньги пришли, когда он уже крепко спал и даже не помышлял о новой угрозе, которая уже нависла над его головой.

Утром Олег проснулся с такой тяжелой головой, какой не мог припомнить уже давно. Тупая боль в затылке переходила в острую в области висков, а оттуда уже плавно перетекала в пульсирующую боль в области лба и глаз. Кроме того, голова кружилась, во рту было гадко, а сил не было совершенно. Первой мыслью Олега было – заболел!

Но, пощупав лоб, он убедился, что температуры у него, скорей всего, нет. А значит, грипп или другая вирусная инфекция отношения к его плачевному состоянию не имеют. Скорей уж симптомы походили на симптомы отравления. Потому что едва Олег встал, как к горлу немедленно подкатила тошнота.

– Раиса Никитична! – крикнул он. – Как вы? – Теща не отвечала, и Олег крикнул снова: – Что-то мне совсем нехорошо. Похоже, я приболел. Вы-то как?

И снова ни ответа ни привета. Не говоря уж о том, что обычно в случае тревоги теща немедленно прибывала в качестве такой маленькой армии спасения, единственный рядовой которой был сам же себе и генералом. Но сейчас от Раисы Никитичны не было никакого ответа. И это слегка встревожило Олега. Впрочем, он тут же поспешил успокоить себя. Видимо, теща ушла из дома по каким-то своим делам, хотя это было и странно, потому что Олег помнил, как вчера она договаривалась о доставке к ней с утра свежих овощей с рынка. Куда же она ушла? Или овощи уже прибыли, теща после этого ушла, а он все проспал?

Мобилизовав свои силы, Олег потихонечку доплелся до кухни, где напился воды прямо из-под крана и почувствовал себя немного лучше.

И все же отсутствие Раисы Никитичны его по-прежнему тревожило. Олег включил клавишу воспроизведения на диктофоне, который служил у них с Раисой Никитичной для записей посланий друг другу. Но диктофон издал лишь равномерное шипение. Никакой информации о том, куда ушла Раиса Никитична, он не содержал.

Олег уже хотел выключить диктофон, но неожиданно тот издал какой-то булькающий звук, а затем произнес сочным мужским баритоном, словно продолжая прерванный разговор:

– Квартира хорошая. Немного запущена, правда.

– Зато какой метраж! – прорезался голос молодой женщины, который показался Олегу похожим на голос Марфушеньки. – И вы посмотрите, тут целых две лоджии! Одна огромная, вторая поменьше, но тоже очень ничего. А в большой запросто можно поставить диванчик и столик, чтобы летом по вечерам пить чай и дышать свежим воздухом.

– Я видел, – важно произнес баритон. – И я уверен, что смогу быстро найти покупателей на эту квартиру.

– Значит, работаем по старой схеме?

– Ты уверена, что старуха одинока?

– Мы проверяли. У нее никого нет. Была одна дочь, но она померла полгода назад.

– Внуки? Братья или сестры?

– Нет, никого.

– Отлично.

– Правда, есть одна деталь, которую мне бы хотелось с вами обсудить.

– Что за деталь?

– Это жилец! Старуха опекает какого-то убогого, так она нам сказала.

Баритон неожиданно развеселился:

– Опекает? Сама на ладан дышит, а туда же? От жадности милосердия у некоторых просто в одном месте свербит!

Марфушенька угодливо хихикнула, но баритон уже снова заважничал:

– И что? – спросил он. – По-твоему, этот жилец представляет для нас опасность?

– Не знаю. Немного удивляет то, что старуха замыкается в себе всякий раз, когда я пытаюсь навести справки о том, кто этот ее таинственный жилец. Такое впечатление, что ей эта тема неприятна, и она не хочет ее касаться.

– Ну, а этот жилец... Он тут не прописан, надеюсь?

– Нет.

– С соседями о нем разговаривать пыталась?

– Как таковых соседей тут нет.

– Как же так?

– Те, что жили тут раньше, куда-то уехали. Свою квартиру сдали каким-то людям, те сказали, что видели пару раз мо-

лодого парня в темных очках, по всей видимости, слепого. Но больше они ничего сказать не могут. Вроде бы в последнее время они его не видели. Да и по словам самой старухи, жилец вернется назад лишь через три дня.

– В правление дома обращалась?

– У них тут ТСЖ, причем образовалось буквально месяц назад, у них там полный бардак, они даже слушать меня не стали.

– Ну, что же... – задумчиво произнес баритон. – Подождем, пока этот жилец вернется, а потом...

Олег очень бы хотел послушать и дальше о планах этого баритона и его Марфушеньки, но ему это не удалось. Раздался скрип, словно кто-то оторвал свой тяжелый зад от стола, на котором стоял диктофон, и запись прервалась. Видимо, диктофон включился случайно, когда кто-то сел на него. А через минуту от входной двери, заставив Олега вздрогнуть, раздался звонок. Решив, что это вернулась теща, Олег поспешил туда. Он немного удивлялся: зачем теще понадобилось звонить в дверь, ведь, уходя, она наверняка должна была закрыть ее своими ключами. Может, она их потеряла?

На всякий случай Олег спросил у двери:

– Кто там?

– Это Яна, – ответил тоненький девичий голосок. – Я принесла овощи для Раисы Никитичны.

Точно! Овощи с рынка! Вчера о них была договоренность. Выходит, их еще не приносили? Почему же теща ушла, не

дождавшись овощей? Или понадеялась, что Олег будет дома и сам их примет? Могла бы хоть предупредить.

Олег поспешно сунулся за ключами. Но, к его удивлению, разыскать свои собственные ключи у Олега не получилось. Машинально протянув руку к тому месту, где ключи должны были находиться, он их там не нашел. На привычном месте сбоку от двери не было вообще ни одного комплекта.

Странно, Олег четко помнил, что вчера вечером, заплатив за телефон и вернувшись домой, оставлял ключи тут. Правда, это была не его связка ключей, его была с брелоком в форме гоночной машинки. А эта единственная связка ключей, которая имелась теперь в доме, принадлежала теще. Олег это понял по характерному брелоку в форме розы, который сам же и презентовал много лет назад Раисе Никитичне. Сейчас ее не было. И выходит, теща все же ушла из дома.

Но все-таки где его собственные ключи? Уезжая в санаторий, Олег точно помнил, что оставил свою связку дома. С собой их тащить показалось ему глупой затеей. Во-первых, тяжело. А во-вторых, зачем? Еще потеряет в дороге. Тогда Олег оставил ключи дома, не испытывая ни малейших сомнений в том, что поступает совершенно правильно. В доме с ними ничего не могло случиться, полагал он. Но теперь, не нащупав ни своей связки, ни тещиной на ее обычном месте, он уже не был уверен в том, что поступил правильно, оставив свою связку ключей дома. В доме теперь топталось большое количество посторонних людей, и любой из них за-

просто мог присвоить связку Олега.

Однако этот вопрос можно было решить и позднее. А пока нужно было разобраться с милой девушкой Яной, которая стояла за дверью, нагруженная купленными на рынке овощами. Олег еще раз пошарил руками на полочке перед зеркалом, но и тут ключей тоже не было.

Что же делать?

Если теща ушла из дома, по своему обыкновению закрыв двери на все замки, то Олег окажется беспомощным. Без ключей ему нипочем не открыть все замки. Там был один, который закрывался и открывался лишь ключом, как снаружи, так и изнутри.

– Сейчас, – произнес Олег. – Я попробую вас впустить. Не знаю, что получится, но я постараюсь.

Он принялся шарить по двери и скоро понял, что удача на их с Яной стороне. Куда бы ни отправилась теща, она лишь захлопнула дверь, не позаботившись закрыть на ключ последний заветный замок. Это вновь вызвало у Олега растерянность – раньше теща никогда себе не позволяла так легкомысленно поступать. Она очень боялась воров и потому, куда-то уходя, тщательно запирала дверь на все без исключения замки.

Открыв дверь, он впустил девушку Яну, которая, судя по уровню ветерка, следовавшего за ней, была ниже Олега почти на две головы и которая не стала терять времени даром и сразу же направилась на кухню. Олег невольно подумал,

что, похоже, девушка была здесь уже не первый раз, коли так хорошо ориентировалась в ней.

– Тут цветная капуста, вилок брокколи, а также свежая зелень, – щебетала между тем Яна. – Еще пара помидорок, огурец и килограмм свеклы. Продавщица сказала, что очень сладкая, как Раиса Никитична и просила. Уф! Устала!

Яна присела на табуретку, немножко перевела дух, а потом спросила у Олега:

– А кстати, где она сама?

– Раиса Никитична? Она... ушла... Видимо.

– Куда ушла? – удивилась девушка. – А покупки у меня кто принимать будет?

Олег растерялся.

– Не знаю. Хотите, я приму?

– Что значит – хотите? – рассердилась девушка. – Мне нужно, чтобы Раиса Никитична все приняла. Меня об этом строго предупредили.

– Тогда я даже не знаю, что делать.

– А она точно ушла?

– Я только что встал. Но дома ее не слышно.

– Тогда надо ей позвонить, – решила девушка. – Спросить, что делать!

Яна извлекла смартфон, поводила по нему пальчиком, отчего смартфон издал мелодичный приятный звук, словно бы кайфовал, когда к нему прикасались чуткие женские пальчики. Набрал номер, Яна затихла, прислушиваясь к пошедшим

сигналам вызова. На какое-то время в квартире стало очень тихо. А потом в этой тишине раздалась телефонная трель.

– Это что? – удивилась Яна. – Звонит что-то.

Что-то – это был звонок телефона Раисы Никитичны. Олег хорошо знал эту мелодию, потому что когда-то давно сам устанавливал ее на телефон тещи.

– Видимо, это телефон Раисы Никитичны, – произнес он.

– Где же он? Надо найти.

И Яна поднялась, явно собираясь идти на этот звук. Олег последовал за ней, влекомый не столько любопытством, сколько каким-то другим чувством. Он чувствовал: что-то тут не так. Что-то происходило совсем рядом с ним, и это что-то ему совсем не нравилось.

Яна двигалась быстро. Она так уверенно перемещалась по квартире, что Олег в очередной раз убедился: девушка тут явно не в первый раз. К этому времени гостья уже достигла дверей комнаты хозяйки квартиры и замерла там.

– Раиса Никитична! – произнесла она. – Вы спите?

Олег удивился. Спит? По радио недавно передали время – одиннадцать часов. Его теща всегда была ранней птичкой. Она просыпалась в семь, а то и в шесть часов утра. А после восьми часов утра удержать ее в постели могла лишь тяжелая болезнь.

Но Яна говорила таким тоном, словно бы Раиса Никитична до сих пор находится в своей спальне, да еще не просто в спальне, а прямо лежит в своей кровати. Тем не менее ни-

каких звуков в ответ на вопрос Яны не последовало.

Девушка спросила уже настойчивее:

– Телефон звонит! Раиса Никитична, вы что, не слышите?

Олег встревожился не на шутку. Выходит, его теща находится в комнате? Он даже потрогал Яну за локоть:

– Она тут?

– Вы что, не видите?

– Нет.

Последовало затяжное молчание.

– Как не видите? – произнесла девушка затем с явным недоумением в голосе.

– Так уж... Я – слепой.

– Что? Совсем?

– Абсолютно.

Яна снова помолчала, на сей раз недолго, и дала Олегу подробный отчет:

– Раиса Никитична в комнате. Она в кровати лежит. Прямо напротив нас.

Олег кивнул.

– А что с ней?

– Лицо бледное. Глаза закрыты.

– Спит?

– Хорошо бы.

И Яна начала удаляться от Олега. Девушка явно направлялась к Раисе Никитичне. Олег невольно подивился храбрости этой маленькой девушки. В том, что Яна миниатюрна,

он успел окончательно убедиться, пока держал девушку за локоть. Косточки были совсем тонкие, а макушка девушки, когда они стояли рядом, едва доходила Олегу до середины груди. Пахло от нее очень приятно, свежестью и какими-то цветами, а волосы были удивительно мягкие и тоже душистые.

– Раиса Никитична! – раздался уже более громкий голос Яны. – Вы что?.. Вам плохо?

Олег тоже невольно подался вперед, хотя и понимал, что от него в данном случае не будет никакой пользы. Внезапно Яна вскрикнула еще громче. И от ее голоса сердце у Олега застучало часто-часто. Но уже в следующую минуту мимо него что-то пронеслось.

– Яна, – растерянно произнес Олег вслед девушке. – Куда вы? Что случилось?

Но девушка не отвечала. Она убежала так быстро, словно увидела нечто совершенно ужасное, напугавшее ее до полу-смерти. Поняв, что от Яны он объяснений не получит, Олег двинулся вперед. Он прекрасно помнил, где стояла кровать тещи, и нашел ее без особого труда. Прикоснувшись к кровати, он ощутил нечто упругое и холодное. Это была нога Раисы Никитичны. Поспешно отдернув пальцы от колена тещи, Олег потянулся туда, где, по его расчетам, должно было находиться лицо женщины. Нашел, ощупал и содрогнулся. Лицо тещи также было холодно и неподвижно.

Теща не реагировала ни на громкие звуки, ни на голоса в

своей комнате. Она не шевелилась. Ее кожа была куда холоднее нормальной температуры человеческого тела. И ужасная правда постепенно начала заполнять сознание Олега. А когда оно заполнилось целиком, Олег рухнул на кровать рядом с тещей и искренне, горячо и, никого не стесняясь, зарыдал.

Из его жизни ушел последний близкий человек – теща. Раиса Никитична умерла внезапно, без предупреждения, оставив Олега одного и в полной растерянности, без какой-либо четкой программы на будущее. От одного этого стоило прийти в отчаяние. Но Олег даже не догадывался, что худшее его еще ожидает. И что смерть тещи – лишь начало целой череды несчастий, которые долго будут преследовать его.

Глава 4

Отсутствие Яны имело под собой вполне конкретное объяснение. Девушка побежала звать на помощь. Первыми, к кому ей пришлось в голову обратиться, были почему-то члены общины церкви Святого Пергаминаона. Уже через считанные минуты – Олег даже еще не успел прийти в себя после пережитого шока, вызванного смертью тещи, – в квартире было полно народу.

Судя по количеству голосов, тут были три вчерашние женщины и двое мужчин, чьи голоса Олегу были незнакомы. Все они были убиты горем, женщины плакали, не стесняясь выражать свои чувства прилюдно. А мужчины приступили к обсуждению того, что делать дальше. Первый же вопрос, который они озвучили, заставил Олега похолодеть.

– Своей ли смертью умерла бабушка? – произнес один из них, явно находясь в сомнении. – Не слышали, чтобы вчера она на здоровье жаловалась?

Вопрос был адресован плачущим женщинам, которые единодушно заявили, что на здоровье Раиса Никитична хотя и жаловалась постоянно, но медицинское обследование не обнаружило у нее каких-либо серьезных патологий, которые могли бы вызвать столь скоропостижную смерть.

– Они ей давали еще несколько лет жизни.

– Конечно, всякое бывает, одна моя знакомая тоже вполне

здорова была, а потом тромб оторвался, вену какую-то закупорил, и все! Померла в тот же миг!

– Никому не дано знать о дне конца своего, то лишь одному Господу Богу ведомо.

– Вот-вот, живешь так, живешь и не знаешь, когда померешь.

Но мужчины считали, что надо выяснить, что же произошло с Раисой Никитичной.

– Вызывайте полицию, – распорядились они. – А мы снаружи подождем.

Олег был настолько подавлен случившимся, что даже не смог толком возмутиться тем, как эти незнакомцы лихо командуют в квартире тещи. Эх, был бы он сейчас в силах, показал бы им! Почему-то Олег был уверен, что смерть тещи – дело рук служителей церкви Пергаминона, кем бы они там ни оказались.

Недаром же они сейчас крутились поблизости от квартиры! Наверняка неподалеку ошивались, может быть, даже у подъезда дежурили, раз Яна им первым сообщила о несчастье с Раисой Никитичной, и они отреагировали, появившись в квартире почти мгновенно.

Вот только почему их голоса казались растерянными, словно смерть Раисы Никитичны явилась для них неожиданностью? Но Олег нашел ответ и на этот вопрос. Наверняка эти люди просто прикидываются невинными овечками, чтобы их не заподозрили в убийстве.

Но уж Олег не даст им возможности уйти от возмездия! Он добьется, чтобы в убийстве тещи обвинили кого нужно – этого Пергаминона и его пронырливых теток!

Однако у полиции, которая также вскоре прибыла к ним в квартиру, на этот счет имелось свое собственное мнение, отличное от мнения Олега.

– Какой еще Пергаминон? – пренебрежительно хмыкнул молодой оперативник, по голосу еще моложе самого Олега. – Что ты нам голову морочишь? Придушил старуху ради наследства, имей мужество в этом сознаться!

Олег даже вспотел от такого предположения:

– Вы чего? Раиса Никитична мне вместо матери была!

Но молодой оперативник заявил, что это вообще не аргумент, потому как сейчас и родных матерей сыновья или дочери режут, травят, душат и вообще по всякому изводят за милую душу.

– А уж насчет тещи и сомневаться не приходится, – добавил второй оперативник. – Вы ее убили! Лучше сознайтесь, вам же легче будет.

– Не убивал я ее!

– А кто тогда? Кто с вами еще в квартире был?

Пришлось Олегу признаться, что ночью в квартире никого, кроме него и тещи, не было. В голове у него воцарились сумбур и хаос. Он был способен лишь растерянно бормотать отрывочные фразы:

– Мы вдвоем с ней жили... Я только вчера из санатория

вернулся. А тут эти... прихожанки из церкви Пергаминона.

– Что ты придумываешь? Пергаминон какой-то!

– Честно, я не вру! Яна, скажите им!

Но Яны не было. А полицейские про Пергаминона слушать опять же не захотели. Вместо этого они захотели препроводить Олега к себе в отделение, где и принялись допрашивать его на разные лады. Олег слушал и понимал, что дело его швах.

Надежда на то, что теща умерла естественной смертью, отпала очень быстро. Звонок эксперта, занимавшегося осмотром тела, расставил все точки в этом деле. Раиса Никитична была задушена минувшей ночью. И судя по безмятежному выражению ее лица, задушили ее во сне, старуха даже не успела проснуться, не успела осознать, что же это такое с ней происходит.

Услышав это, Олег почувствовал некоторое облегчение. То есть не то что он был рад смерти тещи в принципе, смерть – это всегда ужасно. Но Олег чувствовал, что после гибели Ленки его теща начала постепенно угасать. Она и за Олега потому взялась, что ей было необходимо чувствовать, что есть в этом мире человек, который привязывает ее к земной жизни. И все же, как ни дружно они жили вдвоем с тещей, Олег при всем своем желании не мог заменить Раисе Никитичне родную дочь, по которой женщина сильно скучала. Теща хотела бы умереть, Олег был в этом уверен. Раиса Никитична часто говорила, что в этой жизни ее ничего больше не

держит, кроме заботы о нем, Олеге.

И еще Олег подумал, что, наверное, теперь теща счастлива. Ведь она наконец-то соединилась со своей дочерью. Теперь они вместе, никто и ничто не разлучит их. А то, что теща умерла спокойно, – это ей награда за открытое сердце и честно прожитую жизнь. Сам того не ведая, убийца Раисы Никитичны сделал доброе дело, избавив старуху от жизни, которая ее тяготила.

Но все эти отвлеченные мысли очень быстро отошли в сторону под давлением одного пугающего обстоятельства. В смерти тещи родная полиция собиралась обвинить Олега! Вначале допрос проходил в мягкой обстановке. В дружественной манере полицейские посоветовали Олегу сознаться, дескать, так будет лучше для него самого.

– Ты пойми, чудак-человек, мы же все равно докопаемся, что это ты старуху убил, – твердил Олегу один из них – молодой да ранний.

– Признайся сам, и нам меньше работы будет, и себе срок ожидания в СИЗО сократишь, – добавлял второй голос, более рассудительный и взрослый.

– Сразу же на зону поедешь! – вторил этим двоим третий полицейский, причем голос у него был такой радостный, словно бы это была бог весть какая удача для Олега – отправиться напрямиком на зону, практически не задержавшись в следственном изоляторе.

Но Олегу не хотелось ни на зону, ни в изолятор. Он вооб-

ще не понимал, почему должен отпрапляться в одно из этих мест, если тещу он не убивал и даже пальцем ее не трогал, а напротив, жил с ней душа в душу и желал ей долгих лет жизни и всяческого благополучия.

– Вы поймите, – пытался объяснить он полицейским, – за то время, что я отсутствовал, теща снюхалась с какими-то подозрительными людьми из секты некоего Пергаминона. Эти люди ее так основательно взяли в оборот, что она только и твердила: какие они хорошие да какие они добрые. Они у нее в квартире толпились человек по пять за раз. Разве это не подозрительно?

– Кто-нибудь из этих людей ночевал у вас минувшей ночью в квартире?

Олег был вынужден признать, что нет. Он хорошо помнил: пополнив счет своего мобильного телефона, он вернулся домой, открыв дверь своими ключами, верней, не своими, а тещиными, его-то ключи вовсе канули в неизвестность. Но ключи тещи ему прошлым вечером, уходя из дома, все же найти удалось. Он их взял и сначала закрыл ими дверь, а вернувшись, открыл, повесил ключи на их обычное место на крючок за дверь и пошел спать.

И тут Олега осенило.

– Стоп! – воскликнул он так громко, что все вокруг него замолчали. – Но сегодня утром ключей возле двери уже не было! Их кто-то забрал!

– Вы просто сунули их в другое место и забыли.

– Я не мог этого сделать! – энергично запротестовал Олег. – Если я не буду класть вещи точно в определенное место, то потом никогда их не отыщу. Слепота – она, знаете ли, дисциплинирует.

Олег знал, о чем говорил. Ослепнув, он постепенно приучил себя к тому, что теперь он не может позволить себе раскидывать вещи, как делал это прежде. Теперь он должен был постоянно контролировать, где он оставляет ту или иную свою вещь. И очень скоро выяснилось, что куда лучше и легче выбрать для каждой вещи одно строго определенное место и всегда класть эту вещь только туда и никуда больше.

Теща тоже понимала это. И если свои вещички она, случалось, раскидывала где ни попадя, аккуратность точно не была в числе черт ее характера, то вещи Олега, если женщина зачем-то их брала, она всегда возвращала точно на то самое место, чтобы у зятя не возникло проблем с их поиском. Но видя, что у них теперь на двоих одна связка ключей, теща должна была бы внимательнее отнестись к ней.

– А между тем ключей на их обычном месте не было! – возбужденно твердил Олег. – Вчера вечером, когда я ложился спать, они еще были, а утром, когда я пошел открывать Яне, ключей уже не было!

– Как же вы открыли дверь?

– Просто... Дверь была захлопнута. Но она не была закрыта, как полагается.

– Тогда, если рассуждать по-вашему, выходит, что некто,

кто побывал этой ночью в вашей квартире, и взял ключи?

– Да, наверное.

– Но если этот человек забрал ключи, что ему стоило также закрыть за собой и дверь?

– Я не знаю, – обхватил голову руками Олег. – Просто не знаю! Но я уверен, что ночью у нас в доме побывал кто-то посторонний! И это он убил мою тещу. И взял ее ключи.

Полицейские молчали, и Олег уже начал было надеяться на то, что они поймут его, поверят ему и начнут искать настоящего преступника вместо того, чтобы измываться над ним.

– Мы должны обсудить ваши слова, – произнес один из полицейских.

Все трое вышли из кабинета, а Олег, побуждаемый любопытством, прокрался к двери и приник к ней.

– Ну что? – услышал он голос одного из полицейских. – Кто-нибудь ему верит?

– Лично я – нет.

– И я тоже.

– Да придушил он бабуку, что тут думать? Небось на наследство претендовать хотел, инвалид!

– Так что будем делать? По-хорошему с ним не получается. Придется надавить.

Олег похолодел. Что они имеют в виду? Как это они будут на него «давить»? Богатое воображение, которое у Олега еще больше развилось за время его вынужденного отшельничества, тут же услужливо нарисовало красочные картины того,

как он лежит на каменном полу в луже собственной мочи и крови, а тяжелые ботинки мучителей прохаживаются по его ребрам, круша кости и калеча внутренние органы. Картина, конечно, была далека от реальности, никто не стал бы его столь жестоко избивать. Но в мыслях у Олега она стала такой реалистичной, что Олегу стало просто жутко.

Подскочив к окну, он распахнул его. Этаж был второй, это он знал, потому что, идя сюда, они с полицейскими поднимались на два пролета вверх по лестнице. Высунув руку, Олег убедился, что решеток на окне не было. Конечно, прыгать отсюда было бы безумием, но Олег и не собирался этого делать. Вместо этого он наступил на подоконник своим кроссовком, а также сдвинул в сторону все цветочные горшки. После этого он осторожно двинулся вдоль стены.

Что он надеялся найти, Олег не знал и сам. Но внезапно он снова обрел возможность видеть. И в углу довольно большого кабинета Олег увидел шкаф. Восхитительный и большой шкаф. Подбежав к нему, Олег распахнул дверцы и с радостью увидел, что он практически пуст. Это был совсем новый шкаф, еще недавно представлявший собой просто набор панелей и реек. Запах подсказал Олегу, что деревянные панели также совсем недавно сошли с конвейера. Казалось, шкаф только и ждал, что кто-нибудь заберется в него и устроится там на время.

Олег не стал мешкать. Нырнув в еще пахнущее лаком и клеем нутро шкафа, Олег затих там. Он очень надеялся, что

его уловка работает и полицейские кинутся по ложному следу, который он для них проложил. В шкафу было совсем темно, неведомые мастера постарались, подогнали дверцы шкафа плотно одна к другой, так что не осталось ни малейшей щелочки, через которую проникал бы свет. Поэтому Олег не мог точно сказать, тьма у него в глазах внешняя или же он снова ослеп.

Прошло какое-то время, и дверь в кабинет хлопнула. По полу потянуло сквозняком, и удивленный голос одного из полицейских произнес:

– Не понял... А где же этот... слепошарый? Куда он делся?

– Окно! – закричал другой. – Окно открыто!

Судя по топоту ног, все трое полицейских подбежали к окну.

– Удрал! – завопили они. – Через окно удрал!

– Вот и след его ноги на подоконнике.

– Ни фиги себе слепой! Со второго этажа сиганул!

– Тут внизу козырек. Видать, он сначала на него упал, а потом уже вниз прыгнул и деру дал! Эх, сколько раз я говорил, что надо и это окно решетками забрать, а все денег нет, все финансирование недостаточное!

Последнюю фразу Олег услышал доносящейся уже откуда-то из коридора. Судя по топоту ног, все трое полицейских дружно пустились в погоню за ним. Посидев еще немного в своем убежище и окончательно убедившись, что в помеще-

нии никого нет, Олег поспешно выбрался из шкафа и понял, что опять ничего не видит. Вдохнув грудью воздух, он задумался о том, что же ему делать дальше. Пробираться к выходу ему – слепому – через все полицейское отделение было сущим безумием. Кто угодно мог остановить его. Да и те трое полицейских, которые сейчас убежали, могли в любой момент вернуться назад.

Представив себе, какова будет их радость, если они столкнутся в коридоре нос к носу с ним, Олег даже крикнул. И все же другого выхода, кроме как пробираться наружу, у него не было. Надо было идти. Сидеть в шкафу до бесконечности не будешь. А сигать из окна, что бы там ни воображали о нем полицейские, Олег тоже бы не стал. И перекрестившись, хотя прежде в церковь ходил редко и вообще о таких вещах никогда не задумывался, Олег произнес, обращаясь к неведомой ему силе:

– Поверю, если поможешь мне сейчас выбраться отсюда!

Вдохнув в грудь побольше воздуха, он двинулся вперед. Будь что будет, пришло время положиться на некую сверхсилу, потому что собственных сил у Олега в запасе уже не оставалось, свой резерв он давно исчерпал.

Олег вышел в коридор и сразу же повернул направо. Несмотря на охватившую его растерянность, пока полицейские вели его в кабинет для допроса, он продолжал считать про себя шаги. И сейчас Олег знал, что до двери, ведущей на лестницу, ему необходимо сделать всего лишь двенадцать

шагов. Честное слово, это были самые долгие двенадцать шагов, какие ему приходилось делать.

Спускаясь по лестнице, он поминутно ожидал, что его вот-вот остановят, схватят и поволокут назад с торжествующими криками. Но ничего не произошло. И пост дежурного Олег также миновал без проблем. О том, что он уже на улице, Олег понял по свежему ветерку и птичьему гомону, коснувшемуся его слуха.

И тут он услышал знакомый тоненький голосок:

– Что это вы тут делаете? Вас уже отпустили?

Олег узнал голос Яны. Он кивнул головой и хотел пройти мимо. Но не тут-то было. Яна оказалась рядом с ним и заботливо произнесла:

– Давайте я вас провожу.

– Прошу... не надо.

– Как же не надо? Вы же ничего не видите, так мне сказали.

– Я справлюсь сам, спасибо.

Но Яна не отставала от него. Она пошла рядом, примеряясь к шагам Олега. При ее маленьком росте это было сделать не так-то легко. Яна запыхалась, но не отставала. А Олег не хотел гнать ее, опасаясь шумом привлечь к своей персоне ненужное внимание.

Они прошли метров сто, и лишь затем Яна спросила:

– Куда мы с вами идем?

– Куда вы идете, я не знаю. А я иду...

И тут Олег задумался. А в самом деле, куда он идет? Вернуться в квартиру, которую он привык считать своим домом, он не может, ведь там полиция и... и тело тещи. Куда же ему пойти?

– Присядем, – предложила в этот момент Яна. – Поговорим...

На всякий случай, чтобы окончательно убедиться, что он не спятил и что все происходящее с ним не вымысел и не бред, Олег спросил у девушки:

– Яна, скажите, вы ведь видели своими глазами Раису Никитичну?

– Конечно.

– Она точно... задушена?

– Да. А вам разве не сказали?

– Сказали, но... но это так чудовищно!

– Это точно, – согласилась с ним Яна. – Но вы не знаете, кто это мог сделать?

– Ночью у нас дома был кто-то посторонний. Уходя, он забрал комплект ключей от входной двери.

– Вот почему вы сначала не хотели меня пускать.

– Я не «не хотел», я не мог. Ключей не было на том месте, где я их оставил вчера. И потому я сначала растерялся. Я даже не был уверен, что открою вам дверь. К счастью, дверь оказалась просто захлопнутой.

– Так что вы сумели впустить меня, а я смогла обнаружить тело Раисы Никитичны?

– Да.

Вот и ответ, почему убийца не стал запирасть дверь на все замки. Он хотел, чтобы тело Раисы Никитичны было обнаружено как можно раньше. И чтобы в ее убийстве обвинили Олега. И еще преступник стремился создать иллюзию того, что его в квартире вовсе не было. Но тогда зачем он забрал ключи? Не иначе как потому, что собирался еще навеститься туда. А возможно, что и не раз.

Яна молчала, внимательно слушая Олега. И тому неожиданно захотелось поделиться с девушкой всеми своими соображениями. Пусть Яна из враждебного лагеря, пусть она потом донесет его слова этому их Пергаминону, Олег обязан заявить о своей невинности.

– Ночью в доме был кто-то посторонний, – твердил он, словно безумный. – Я не знаю, почему этот человек решил задушить Раису Никитичну, но мне кажется, что с этим убийством как-то связаны те люди, которые в последнее время взялись опекать мою тещу. Они из секты некоего Пергаминона.

– Да что вы! – воскликнула Яна, явно шокированная его словами. – Не может такого быть!

– Почему?

– Я хорошо знаю этих людей. Они сотрудничают с нашей благотворительной организацией. Делают крупные взносы, помогают нам. А мы взамен посылаем им людей, если требуется какая-то особая помощь. Вот я, например, развожу на

своей машине те заказы, которые просто так не унести.

– Овощи с рынка?

– Сегодня – это овощи, – ответила Яна. – А в другой раз могут быть какие-то стройматериалы или садоводческий инструмент. Разное же людям требуется. Они просят, я привожу.

– Как-то не верится, что вы, такая маленькая и хрупкая, и вдруг таскаете мешки с цементом.

– Нет, конечно! – засмеялась Яна.

Смех у нее был очень хороший, словно бы хрустальные колокольчики заливались чистым звоном.

– Если цемент, тогда мужчину мне в помощь дают. Но согласитесь, если покупаешь пару мешков, то глупо платить за доставку. А у меня машина, много в нее не поместится, но много подавляющему большинству людей и не надо.

– Значит, вы работаете в службе доставки. А что вас связывает с этим обществом церкви Святого Пергаминаона?

– Я же говорю: мы с ними сотрудничаем.

Несмотря на то что Яна сама призналась в том, что она сотрудничает с его врагами, Олегу не хотелось верить в причастность девушки к тем бедам, которые свалились на его голову. С тех пор как зрение оставило Олега, он привык полагаться на другие свои органы взаимосвязи с окружающим миром. И слух постепенно занял главенствующее положение. Олег научился отличать множество тончайших нюансов в голосе человека.

Если раньше он первым делом смотрел на лицо нового знакомого, ловил взглядом его взгляд, то теперь, лишенный это возможности, он напрягал до предела слух, а потом прислушивался к тому резонансу, который вызвали частоты голоса этого человека в его собственном организме. Иногда при этом ему становилось тревожно. Реже – страшно. А иногда настроение, наоборот, улучшалось или же становилось умиротворенно-благостным.

В случае с Яной слушать ее голос Олегу было радостно. Хотя, видит бог, ничего радостного в его жизни с появлением Яны не прибавилось.

– А в чем заключается ваше сотрудничество с этими людьми? – спросил Олег.

– Они предоставляют нам заявки, которые сами не в силах обслужить. И наши волонтеры, я в том числе, помогают этим людям.

– Неужели у вас своих бедолаг не хватает?

– Представьте себе, не хватает, – серьезно ответила Яна. – Несмотря на то что наш благотворительный фонд еще совсем молодой, заявок поступает все равно много, даже очень много. Вот только когда наши юристы начинают разбираться в каждой конкретной ситуации, то очень часто выясняется, что эти люди уже получают помощь в другом месте. Или же вовсе не имеют на нее права. Наш фонд принципиально не работает с такими врунами.

Олег не очень-то понял, как можно отличить одного нуж-

дающегося от другого, да еще разработать четкую градацию, кому помогать, а кому нет, но спорить с Яной не стал. Куда больше его интересовали сейчас собственные враги.

– А эти, из церкви Пергаминона, где они бедняков набирают?

– Не знаю, но они работают куда дольше нас. И поэтому у них имеется такая большая база, что сами они не справляются, то и дело заявки от них приходят к нам.

– И вы беретесь за выполнение чужой работы?

– Работа на благо людям не бывает своей или чужой, – разумно возразила ему Яна. – Мы все работаем для того, чтобы облегчить бремя людям, попавшим в трудные обстоятельства.

Вся эта ситуация, мягко говоря, казалась теперь Олегу весьма странной. Налицо был какой-то стговор между служащими некоего Пергаминона и благотворительным центром «Феникс», в котором трудилась сама Яночка. Олегу даже пришла в голову мысль: что, если эти две сотрудничающие организации не смогли поделить между собой его тещу? И чтобы никому не было обидно, взяли да и прикончили попросту старушку. Мысль была совершенно дикая, но Олег не мог выбросить ее из головы.

– Скажите, а вы могли бы мне тоже помочь?

– Я готова! – воскликнула Яна порывисто и тут же объяснила: – Потому что чувствую перед вами толику своей вины.

– Вы-то в чем провинились?

– Ну как же... Это ведь я вызвала полицию, которая вас и забрала с собой.

– Вас они тоже забрали.

– Меня... меня нет, – как-то смутилась Яна. – Меня они допросили там же, в квартире, и сказали, что если я им понадобится, то они меня вызовут.

– Погодите... А что же вы тогда делали возле отделения полиции?

Яна молчала, как-то странно сопя. Олег был готов поклясться, что девушка сейчас красная словно вареный рак.

– Я ждала вас, – призналась наконец ему Яна. – Я не верила, что вы виновны, и ждала, когда вас отпустят.

Отпустят! Как же, отпустили бы они его! Милая Яночка, ожидая его, рисковала проторчать на своем посту несколько лет, прежде чем дождалась бы освобождения Олега. Несмотря на то что полицейские дружно уверяли Олега в том, что убийство тещи – это вроде как и не убийство вовсе, а так, мера допустимой самообороны, потому что всем хорошо известно, до какой степени может нормальному мужику отравить жизнь его теща, и что судья посмотрит на него точно так же и признает Олега невиновным, сам Олег все же как-то сомневался в этом.

Убийство есть убийство, и неважно, кто пострадал. Все равно за убийство полагается срок, но Олег совсем не собирался провести ближайшие годы за решеткой за преступление, которого не совершал.

– Так чем я могу вам помочь? – деловито осведомилась Яна.

– Помочь? А разве у вас нет других своих дел?

Олег ждал ответа на этот вопрос с замиранием сердца. Несмотря на браваду, в душе он испытывал жуткую неуверенность. Он совсем не представлял, куда ему податься и с чего начать распутывать все эти липкие нити, которыми он оказался опутан с головы до ног.

Но девушка его заверила:

– У меня нет других дел. Ваша теща была последней в списке моих сегодняшних дел. Так что теперь я могу располагать собой и всецело отдаться вашим заботам. С чего мне начать?

– Яна... – торжественно начал Олег, – может быть, вам и неприятно это слышать, но я подозреваю в причастности к смерти моей тещи кого-то из тех женщин, которые опекали ее в мое отсутствие.

Как он и ожидал, девушка тут же снова энергично запротестовала:

– Этого не может быть! Они все очень хорошие люди и...

– Я не говорю, что тещу задушил кто-то из этих женщин, – терпеливо согласился с нею Олег. – Но у них могут быть сыновья, мужья, любовники, наконец. Те и выполнили эту задачу.

– И что? Зачем этим любовникам или мужьям убивать вашу тещу?

– Я не знаю. Но если предположить, что дело в наследстве моей тещи, точнее говоря, в ее квартире, то я бы хотел уточнить, кому она завещана. Вы можете мне в этом помочь?

– Ну да... Наверное. Не я сама, но у меня есть знакомый, который может помочь и к которому мы с вами можем обратиться.

– Можем сделать это прямо сегодня?

– Думаю, что да. Но только сведения будут носить неофициальный характер.

Олег и сам понимал, что официальный характер запроса и ответа подразумевает определенный статус запрашивающей инстанции. Это может сделать следователь или судья, но никак не представитель частного благотворительного общества или любое другое неофициальное физическое или юридическое лицо.

Поэтому он только уточнил:

– Но информация будет точной?

– Да. Уверена, мой знакомый поможет нам.

– Отлично! – произнес Олег. – Поедемте к нему!

Он резко встал и тут же почувствовал, как закружилась голова. Он покачнулся и, видимо, так сильно побледнел, что это заметила даже Яна:

– Что с вами? – подскочила она к нему.

– Слабость какая-то. Может, я заболел?

– Вы просто голодный, – сказала Яна рассудительно. – Вы ведь не завтракали?

– Нет. Не успел.

– Вот видите, у вас упал сахар в крови. Это бывает. Знаете что... А давайте поедем к нам!

– Куда это «к вам»?

– У нас есть благотворительная столовая, я раздобуду для вас талон на питание. Вы поедите. Потом сможете побыть в комнате отдыха, посмотрите телеви...

Тут Яна запнулась и явственно смутилась.

– Простите, – пролепетала она. – Я все время забываю, что вы сле...

Не договорив, она окончательно замолчала. И как она с такой повышенной эмоциональной чувствительностью умудряется работать волонтером?

– Яночка, – желая поддержать девушку, рассмеялся Олег, хотя никакого веселья он не испытывал. – Что вы в самом деле? Ну, не могу я смотреть телевизор, что за беда? Чтобы отвлечься, ожидая вас, я с удовольствием послушаю новости или хорошую музыку. Кстати, вы любите музыку?

– Только классическую.

– Надо же... я тоже.

– И еще в последнее время увлеклась русской народной песней, – оживившись, сообщила ему Яночка. – Раньше не любила, она казалась мне слишком простой. А недавно вслушалась – нет, никакая она не простая. За этой простотой кроется довольно и глубины, и чувства.

Так в приятной беседе они дошли до машины. В компании

девушки Олег даже как-то на время забыл про полицейских, рыскающих по округе, и вспомнил о том, как удирает от полиции, лишь усевшись в салон машины и даже пристегнувшись ремнем безопасности. Вспомнил и поразился. Неужели это он не далее как час назад совершил дерзкий побег из отделения полиции, прямо из-под носа трех полицейских? Да еще обвел вокруг пальца и всех их многочисленных коллег? Просто уму непостижимо, что все это совершил он.

В том, что Олегу удался его побег, было что-то удивительное и восхитительное, что вызывало в самом Олеге если не гордость за самого себя, то уж чувство триумфа – это точно.

И только уже отъезжая на машине Яны, он вспомнил о данной им сегодня кому-то там, наверху, клятве поверить в существование высшей силы, если только побег его будет удачным. Что же, приходилось признать, что все получилось в лучшем виде. Теперь Олег был на свободе. Вопреки всем обстоятельствам, он мог беспрепятственно передвигаться по городу в любом выбранном им самим направлении. А значит, те наверху выполнили свою часть уговора. Видимо, пришло время и Олегу выполнить свою часть.

Глава 5

Яна не стала тянуть. Едва только они тронулись в путь, она позвонила своему знакомому и попросила у того помощи в поиске завещания тещи Олега.

Ответы собеседника Олегу были не слышны. Он лишь мог улавливать ответы Яны:

– Ага, угу, – бормотала девушка. – Я поняла. – Положив трубку, она спросила у Олега: – У вас есть деньги?

– А сколько нужно?

– Он хочет пять тысяч. Три у меня есть, так что я могу вам их одолжить. Вот только где взять еще две?

– Не беспокойтесь! – радостно воскликнул Олег, у которого моментально отлегло от сердца. – Такие деньги у меня есть. Только давайте заедем в Сбербанк, я сниму там пенсию и отдам ее вам.

С тех пор как Олег стал инвалидом, его теща успела сделать целый ряд шагов, которые должны были помочь им продержаться этот сложный период. Так что пенсию по инвалидности Олег получил исключительно благодаря Раисе Никитичне, которая собрала весь пакет документов, заставила Олега пройти медкомиссию, несколько раз таскала его с собой в Пенсионный фонд, но пенсию в результате ему все же выбила.

Не такие уж большие деньги, но, учитывая еще и сред-

ства от сданной в аренду квартиры, жить вполне можно. Потребности Раисы Никитичны и Олега за последнее время настолько сократились, настолько мало им теперь чего-то хотелось, что снимать пенсию даже как-то и нужды не возникало. Теща и Олег жили на деньги квартиросъемщиков, а пенсии даже не трогали.

И теперь, как считал Олег, у него на пенсионной карточке должна была набраться приличная сумма. Войдя в знакомое отделение Сбербанка, Олег направился к банкомату. Пинкод карточки прочно сидел у него в голове, за это волноваться было не нужно. И бумажник с документами и карточками был у него с собой. К счастью, в отделении полицейские забрали у Олега лишь паспорт и телефон, из которого хотели скопировать все сведения, а вот бумажник все еще оставался на своем месте – в нагрудном кармане куртки.

Достав на ощупь нужную карточку, Олег ввел с помощью Яны пин-код и стал ждать получения наличных. Тут до него донесся женский голос, в котором отчетливо слышались слезы.

– Ну, и когда же все-таки будут работать эти ваши номинальные счета? – спрашивала женщина у кого-то, явно продолжая начатый ранее разговор.

– Сейчас они находятся в стадии разработки, – бубнил в ответ унылый голос. – Вероятно, в следующем месяце что-то уже будет ясно.

– То есть мы с дочкой и в следующем месяце должны бу-

дем сидеть без пенсии? Как же так? Мы ведь живем на эти деньги! Все до копейки у нас рассчитано.

– Подождите.

– Может, кто и может подождать. А нам с дочкой эти деньги очень нужны прямо сейчас!

– В следующем месяце, – тупо бубнил второй женский голос – равнодушный и какой-то неживой, – мы сможем дать вам более точную информацию. А пока что, извините, ничего нельзя поделать.

– Неужели у девочки совершенно нет никакой возможности получить пенсию сейчас?

– Я же вам объясняла: несовершеннолетним мы пенсии на руки не выдаем.

– Мне дайте! Я – мать!

– Для этого принесите нам разрешение из органов опеки.

– Но я же вам тоже говорила: они мне его не дают! Говорят, что раз я – мать, то они не могут дать мне такого разрешения, согласно закону оно и не нужно.

– Это вы мне уже не первый раз говорите! А между тем я уже выдала вам официальный ответ нашего руководства. Согласно указу правительства все пенсии, которые получают дети начиная с 14 лет, перечисляются на так называемые открытые на их имя номинальные счета, которые на данный момент находятся в стадии разработки. Сбербанк приносит вам свои извинения и просит проявить понимание.

– Понимание! А меня кто поймет? Мне-то как быть?

– В следующем месяце, возможно, уже что-то будет ясно.

– А до тех пор как быть?

– До тех пор опекуны могут получить пенсии своих опекаемых с разрешения органов опеки.

– Так то опекуны! – заплакала несчастная мать. – Как вы не поймете? Будь я бабушкой или тетей моей девочке или даже вовсе посторонним человеком, взяла бы ребенка под опеку, тогда опека дала бы мне такое разрешение. А родителям они его просто не дают! Как мать, я имею законное право в присутствии моего ребенка и с его и своим паспортом снять пенсию. Поймите, это же пенсия, мы на нее очень рассчитываем!

– Ничем не могу вам помочь, – снова пробубнил второй голос. – Правила не разрешают мне позволить вам это сделать. По-человечески мне вас, конечно, жаль, но если я разрешу выдать вам эти деньги, то потом их вычтут из моего кармана.

– Но почему? В чем тут проблема? Это же наша пенсия!

– Принесите разрешение из органов опеки или их официальный отказ.

– Но я же к вам прихожу уже третий раз! И в органы опеки успела смотаться столько же раз! Они говорят, что ничего не дадут мне. И вы тоже говорите, что ничего не дадите. Как нам с дочкой быть?

Чувствовалось, что женщина доведена до отчаяния сложившейся ситуацией. Она уже откровенно, никого не стес-

нясь, плакала. Все присутствующие в отделении банка люди замолчали, слушая этот диалог.

– Что же вы? – услышал Олег голос Яны. – Вот же деньги вам банкомат выдал!

Вздрогнув, Олег спросил:

– Сколько их тут?

– Вы снимали двадцать тысяч, – удивленно ответила Яна.

Олег нащупал четыре бумажки. Отлично! Одну пятидесятную бумажку он сунул Яне, а с тремя другими подошел к продолжавшей плакать женщине, вложил купюры в ее влажные от слез пальцы и сказал:

– Вот, возьмите, пожалуйста. Я невольно услышал ваш разговор, мне очень жаль, что бесчувственность чиновников заставила вас плакать. Это небольшая сумма, но я надеюсь, что эти деньги помогут вам с дочерью продержаться какое-то время, пока ситуация так или иначе не разрешится.

И быстро пошел к выходу, пока женщина не успела опомниться и догнать его. Она и не догнала, видимо, до сих пор не поняла, что произошло. Зато отлично поняли другие люди. Все, кто находился при этом в отделении банка, зашумели. Судя по всему, тут было подавляющее количество пенсионеров. А этой категории граждан, как известно, терять нечего, так что за словом в карман они обычно не лезут.

– Вот так вам!! – зло воскликнул кто-то один. – Слепой инвалид, и тот эту бедную женщину пожалел!

– Сколько вы над ней издевались!

– А у вас сердца нет!

– Сама вся в золоте, рожа того и гляди поперек треснет, а сироте в копейке отказала!

– Тоже потеху себе нашли, над горем-несчастьем издеваетесь!

– Мало того что у нее ребенок пенсию получает, значит, либо инвалид, либо отца потерял, так вы еще ей и от себя добавляете!

– Позор вам!

– Стыдно!

И напрасно бюрократическая дама пыталась объяснить возмущенной толпе клиентов, что это не ее вина, что она сама-то с радостью, да вот по бумагам ну просто никак нельзя выдать матери подростка его пенсию, пожилые люди ее даже не слушали:

– Раньше сюда в сберкассу приходили, так чувствовали, что для нас работаете. А теперь пенсию несчастной женщине не выдаете! Это вы так для людей стараетесь?

Яна догнала Олега только на улице.

– Зачем вы это сделали? – воскликнула она.

– Что?

– Отдали деньги той женщине! Вы ее знаете?

– Нет.

– Тогда зачем?

– А разве не этого вы от меня добивались?

– Я?!

– Когда сказали мне несколько минут назад, что в банкомате есть деньги.

– Я всего лишь хотела напомнить вам, что банкомат уже сработал и нужно забрать ваши деньги, иначе они могут уехать обратно.

Олег развеселился.

– Значит, я вас не так понял!

Яна в ответ тоже почему-то засмеялась. Они смеялись и не могли остановиться. И никто в целом свете не смог бы объяснить, почему эти двое заливаются теперь, словно малые дети. Но одно мог сказать Олег совершенно точно: так весело он не смеялся уже очень давно. Если вообще когда-либо так смеялся.

Закончив веселиться, Олег объявил Яне:

– Как хотите, но назад я уже не пойду. И деньги забирать у тетки не буду.

– Да, это было бы слишком жестоко по отношению к бедной женщине, – согласилась с ним Яна.

Машину им удалось припарковать за углом банка. Так что, свернув за него, они уже не успели увидеть той женщины, которой Олег передал деньги. Опомнившись только сейчас, она выскочила на крыльцо и завертела головой по сторонам. Она явно искала взглядом Олега, возможно, чтобы поблагодарить его. Но было уже слишком поздно. Яна с Олегом ехали дальше, время от времени все еще улыбаясь при воспоминании о том, как растерянно бормотала оправдания

пристыженная народным возмущением сотрудница банка.

Яна закинула Олега в благотворительную столовую, где поручила его заботам знакомой старушки. Та внимательно проследила за тем, чтобы Олег проглотил целиком весь обед, ласково, словно дитя, уговаривая доест супчик до конца:

– Ну, еще ложечку. Совсем немножко. Оставлять еду нельзя. В последней ложке вся сила.

В результате Олег, который в последнее время ел совсем мало, наелся до такой степени, что даже не мог толком шевелиться. Тогда старушка отвела его в комнату отдыха, где в распоряжение одного Олега был выделен мягкий диванчик, на котором тот и растянулся.

После съеденного обеда, состоящего из постного борща и плова, который хоть и назывался «с мясом», но мяса в нем Олег не нашел, мужчину потянуло в сон. Однако заснуть Олег не мог, не давало чувство тревоги, поселившееся в нем с того момента, как он вернулся из санатория домой. Так что Олег хоть и погрузился в своего рода дрему, но мог слышать все, что происходило вокруг него.

На соседнем диване устроилась пожилая пара – мужчина и женщина, то ли супруги, то ли просто давние знакомые, обсуждали некую Валентину Алексеевну. Как быстро понял Олег, эта Валентина Алексеевна была президентом данного благотворительного фонда, вот только сама она от дел уже отошла, поручив руководство фондом своему сыну – Ан-

дрею. А тот, как опять же понял Олег из сетований пожилой пары, совсем забросил дела, практически сведя на нет все старания своей матери помочь бедным людям.

– Ни медицинской помощи теперь у них уже не получить, ничего!

– Ага. А помнишь, врач общей практики каждый день в своем кабинете принимал. Раз в месяц можно было также получить бесплатную консультацию специалистов. Медсестричка с тонометром бегала, давление чуть что мерила. Надо-едало даже, а теперь нет ее, и понимаю – плохо без нее. Вот сейчас в голове шумит, а низкое давление или высокое, не разберу. Сижу и не знаю, пить таблетку или нет? Если от высокого давления выпью, а оно у меня и так низкое, что будет?

– И вещи больше не раздадут, – вторил знакомой и мужчина. – В бывшей кладовой теперь цветочный магазин расположился.

– Андрей уверяет, что средства, полученные от аренды этого и других помещений, он направляет на нужды фонда.

– И где они, эти средства? Ничего же нет! Только благотворительная столовая и осталась. Да и то потому, что работу столовой Валентина Алексеевна за собой оставила. Если бы не это, так и столовая бы уже давно прикрылась.

Олег еще немного послушал, но дальше узнал от стариков лишь о том, что безвозмездную ссуду в «Фениксе» теперь нечего даже мечтать взять. К Андрею обращаться за деньгами было бесполезно, у него на все был один и тот же ответ:

«Сейчас свободных средств нет». А если обращались к Валентине Алексеевне напрямую, то она опять же перенаправляла всех желающих получить материальную помощь к своему сыну. Ну, а тот отвечал заученной фразой или в лучшем случае обещал «подумать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.